

В. Долгов В. Ельмеев М. Попов

**УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИЗМА
В РОССИИ**

Санкт-Петербург
1997 г.

ББК 65.9(2)-183
66.61(2)2

Публикация осуществлена при содействии Общества РУСО и Фонда Рабочей Академии

Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Уроки и перспективы социализма в России.
– СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. – с.
ISBN 5-288-01108-7.

Главным уроком прошлого, обосновывают авторы предлагаемой монографии, является следующий: кризис и разрушение социализма в СССР вызваны тем, что Советская власть не сумела преодолеть старую товарно-стоимостную основу экономики и утвердить новую – потребительно-стоимостную, адекватную социализму. Это – задача возрождаемой в России власти трудящихся, формируемой в трудовых коллективах.

с Издательство СПбГУ, 1997

с В.Г.Долгов, В.Я.Ельмеев, М.В.Попов, 1997

ISBN 5-288-01108-7

ВВЕДЕНИЕ

Велика Россия. И велика не только территориально. И не только многолюдна и многонациональна. Необъятна она своей насыщенной, бурной и многогранной историей. Велика страстями, бушующими на ее просторах.

Вот и в XX веке за сравнительно короткий период Россия сумела выступить в трех качественно различных государственных устройствах: монархическом, советском, президентском. Причем каждый переход к принципиально новому строю сопровождался драматическими переменами, коренными переворотами в отношениях собственности, ее переделами, кровопролитием, ломкой политических, нравственных, культурных отношений.

Наибольший период времени в нынешнем веке Россия находилась во власти Советов, в состоянии перехода к социализму и строительства социалистического общества.

Это, конечно, был чрезвычайно сложный период. Народы Российской империи совершили неожиданный для всего мира дерзкий рывок к новой жизни, к новым отношениям между людьми в производстве, культуре, быту. Имея самые высокие и благородные цели, объявив социально справедливый порядок, Россия, как гигантская птица, взяв крутой разгон, взмыла вверх, уверенно вошла в ряды великих держав.

Россия, с 1922 года называвшаяся Советским Союзом, стала примером для народов всего мира в деле создания условий для власти трудового народа, для расцвета всех национальностей и народностей, для развития и творчества всех слоев населения. Отстаивая идеи социальной справедливости, Советский Союз давал отпор всем темным силам, освободил мир от фашизма,

установил паритет в сложном международном противостоянии различных территориальных, национальных, идеологических и религиозных интересов.

Почему же по истечении 70 лет существования Советской власти государство-колосс стало качаться, разрушаться и в итоге рассыпалось на 15 неравных частей, каждую из которых продолжают терзать внутренние раздоры? За последние 10 лет существования СССР обострились внутренние противоречия, обнажались недоделки и ошибки в строительстве нового строя, приведшие на данном этапе к поражению социализма и его официальной идеологии. Причем поражению позорному, практически без боя, без сопротивления.

Процесс распада далеко не закончен. Трещат по швам Грузия и Молдавия, внутренние распри разрывают Среднюю Азию, Закавказье. Саму Россию сотрясают сепаратизм как авантюрных народностей, так и некоторых территорий.

И все же какие причины привели к крушению гигантской партии, гордившейся прежде всего своей теоретической базой и боевыми традициями? Какие были сделаны просчеты, в чем проявились заблуждения? Попытаться найти ответ на эти вопросы – значит получить определенные уроки, значит сделать выводы и, возможно, предложить более надежные пути развития нашего российского общества.

Здесь мы делаем попытку высказать свое мнение по ряду ключевых составляющих строительства социализма в России и надеемся, что нам удастся вскрыть наиболее опасные ошибки и заблуждения, приведшие в конечном счете к столь трагичному финалу. Перед нами стоит непростая задача. Надо ответить на вопрос: случайно или не случайно произошла потеря власти Советами и Коммунистической партией в Советском Союзе? Есть ли объективные причины или все было правильно и прекрасно, а дело только в предательстве таких деятелей как Горбачев, Яковлев, Ельцин и им подобных?

Авторы этой книги еще во времена правления Горбачева выступили в печати с критикой проводимой им и руководством КПСС политики “перестройки”, обнажили ее антинародную и антисоциалистическую сущность, предсказали ее результаты – неизбежный кризис всех сфер жизни общества, разрушение созданных народом производительных сил, духовного богатства, культуры, форм управления.

Уже тогда было ясно, что переход высокообщественного производства и индустриально развитой экономики на рельсы стихийного товарно-рыночного хозяйства приведет к развалу всей экономики. Можно было (в качестве дополнительного аргумента) сослаться и на выводы международной конференции ООН (Рио-де-Жанейро, 1992), в которых не рекомендовалось странам, вступающим в XXI век, руководствоваться моделью развития, которой следовали развитые капиталистические страны и которая предполагала подчинение экономики получению максимальной прибыли в ущерб социальному развитию народов.

Становится очевидным, что крупные капиталистические страны не смогут и не хотят вытащить Россию из экономической ямы и “продемонстрировать” на ее примере “неисчерпаемые” возможности рыночной модели экономического развития. Поэтому выбор Нового курса для России был и остается вопросом жизни и смерти. Он обязательно произойдет. Вопрос лишь в одном – когда и какой ценой.

Авторы в предлагаемой читателю новой книге продолжают поиск и обоснование нового курса экономического, социального и политического развития России. Теперь, после того как установились капиталистическая система в экономике и олигархический режим ельцинизма в политике, после того как стала очевидной их неспособность вывести страну из кризиса, а к

* Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Выбор нового курса. М., Мысль, 1991. 204 с.

урокам “рыночного социализма” добавились и уроки его наследницы – капитализации страны, обоснование неизбежности смены курса становится еще более актуальным.

В этой связи приходится обращать особое внимание на доказательство самой возможности дальнейшего экономического и социального развития, на определение его основы. Возникает необходимость замены стоимостной парадигмы на новую – потребительностоимостную, позволяющую перейти от политики “модернизации” существующего к политике действительного развития и вывода России на путь прогресса.

Кроме объективно возникшей ситуации в экономической жизни современного общества, необходимость новой парадигмы диктуется состоянием самой экономической науки – возникшими в ней противоречиями и кризисом, не позволяющими решить многие теоретические проблемы, в частности, вопрос о том, с какой теорией войти в третье тысячелетие – стоимостной или полезностной. Ведь если речь идет о новой парадигме, то надо преодолеть старую – стоимостную.

Обнаружилось противостояние классической политической экономии, базирующейся на принципе трудовой стоимости, и экономикса, пытающегося заменить стоимостную парадигму на полезностную под видом их синтеза. В отечественной литературе такого рода “синтезу” подвергаются трудовая теория стоимости К. Маркса и полезностные концепции, разрабатываемые в рамках теории оптимального функционирования экономики.

Авторы не принадлежат к тем экономистам, которые пытаются “объединить” теорию трудовой стоимости с теорией полезности. Они, наоборот, исходят из того, что предлагаемая трудовая теория потребительной стоимости составляет противоположность теории стоимости, является ее отрицанием, и в этом смысле об их прямом синтезе не может быть и речи. Это, конечно, не значит, что из отрицаемой теории ничего не берется и не переносится в

новую. Диалектическое отрицание предполагает преемственность, сохранение в снятом виде отрицаемого, в данном случае трудовой основы теории стоимости – необходимости учета затрат труда.

Когда ставится вопрос о переходе к новой парадигме, важно подчеркнуть момент отрицания старой парадигмы. Дело, однако, не сводится к тактическому приему. В попытках синтеза теории стоимости и теории полезности, особенно потребительно-стоимостной теории и теории стоимости, легко заметить ту же линию, которую проводили “прорабы” перестройки, предлагая соединить социализм с капитализмом, рыночную экономику с плановым ведением хозяйства, власть буржуазии с властью народа и т.п. Синтеза этих противоположных сущностей не произошло и не может произойти в принципе, т.е. по определению взаимодействующих противоположностей и противоречия между ними.

С этой точки зрения нельзя принять суждения относительно того, что генеральной линией развития экономической мысли в России, идущей чуть ли не от М.И.Туган-Барановского, является движение к синтезу трудовой теории стоимости и теории полезности, что их органический синтез – это методологическая основа концепции новой, эффективной системы хозяйствования.

Придание этому тезису столь важного методологического значения вызывает необходимость в разъяснении вопроса о методологии решения противоречий между парадигмами как полюсами противоречия: а) как между двумя противоположными сущностями; б) как противоречивыми сторонами одной и той же сущности. Противоречия первого типа предполагают, что из двух противоположных сущностей действительной для данного состояния общества является одна из них: или господствуют отношения стоимости, или, наоборот, отношения потребительной стоимости. Это условие связано с несостоятельностью дуализма при определении сущности того или иного яв-

ления. Соответственно, по своей сущности теория может быть или стоимостной или нестоимостной, а хозяйственная практика – рыночной или нерыночной. Дуализма одной и той же сущности не бывает, – обе допускаемые противоположные сущности не могут быть одинаково истинными, на практике побеждает и господствует одна из них. Полагают, например, что стоимость и полезность – это две стороны одной и той же медали. Но не говорят, что собой представляет сама медаль, какова ее сущность – товар ли она, или же не товар (лишь потребительная стоимость). Если товар, то сущность стоимостная, если нет, то потребительностоимостная.

Иное дело, когда речь идет о противоречивых сторонах одной и той же сущности, которые не возводятся в самостоятельные сущности и характеризуют с разных, противоположных сторон одну и ту же сущность. В этом случае предполагается их существование в некоем едином начале, образующем основание для разных противоречивых сторон, причем в это основание превращается одна из этих сторон (противоположностей) в виде более высокой ступени развития явления. Если, например, стоимость составляет основание, то потребительная стоимость есть лишь носитель, предпосылка стоимости.

Разграничение противоположности двух сущностей и противоположности одной и той же сущности необходимо для того, чтобы установить способ разрешения разных типов противоречий. Первые из них разрешаются объяснением проблемы на основе признания одной из сущностей в качестве действительной основы и устранением дуализма, и тем более плюрализма в трактовке вопроса.

Разрешение второго типа противоречий не требует устранения одной из сторон противоречия. Здесь достаточно выявить, какая из сторон противоречия опосредствует другие стороны и само противоречие и которая становится основанием как для собственного развития, так и своей противоположности. То, что проистекает из этого опосредствующего начала, образует не-

обходимое единство, возникающее в результате разрешения данного противоречия. Этот новый монизм выступает более высоким и самостоятельно существующим принципом экономической теории.

В марксистской экономической науке таким единым сущностным началом выступает труд, и именно поэтому она называется политической экономией труда. Разрешение противоречия между трудом как источником стоимости и трудом как созидателем потребительной стоимости здесь осуществляется в рамках одной и той же сущности – труда: с развитием общества происходит отрицание господства затратной стороны непосредственного труда (стоимости) и превращение результатной стороны (потребительной стоимости) в господствующее начало, делающее экономическую систему целостной, а теорию – монистической. Трудовая теория потребительной стоимости становится более высокой и развитой теорией, образует новую парадигму экономической науки.

Уместно заявить, что понятие “экономия”, давнее название экономической науке, возникло не для характеристики отношений стоимости и стоимостного обмена. Ее действительный, сущностный смысл с самого начала и до наших дней в конечном счете сводится к потребительностоимостному принципу: вести хозяйство так, чтобы результаты в виде полнокровной жизни превосходили затраты на ее достижение, чтобы доходы превышали расходы.

Этот принцип не совместим со стоимостным обменом, функционирующим на возмездно-эквивалентной основе – равенстве затрат и результатов. Прибавочная стоимость как стоимость (и все ее производные – прибыль, рента, процент) тоже не является превышением результатов над затратами, ибо за ней стоят равные затраты прибавочного труда. Если же ее хотят вывести из производительных сил труда (производительности труда), то неизбежно приходится переходить со стоимостной к потребительностоимостной основе.

Экономия возникает из этой потребительной стоимости рабочей силы и применяемых ею средств, реализуемых в живом труде людей и в потреблении. Многие, причем существенные экономические процессы могут быть рационально поняты только на основе потребительностоимостных принципов. Достаточно сказать, что экономический рост и тем более развитие не объяснимы с позиций законов стоимости, принципа эквивалентности (равенства) затрат и результатов, поскольку здесь идет речь об экономике в ее статическом состоянии. Не случайно поэтому все ныне известные авторы, разрабатывающие теорию экономического развития, например, Й. Шумпетер, обращаются к потребительностоимостным критериям: к производительности труда в его реальном (а не денежном) выражении, экономии труда и т.п. Можно предположить, что потребительностоимостной принцип превосходства результатов над затратами (а не их стоимостное равенство) станет главным способом объяснения и обоснования как экономического, так и социального развития общества.

Глава I. СУРОВЫЕ УРОКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

1. Экономические уроки

Советский социалистический период знаменателен гигантскими успехами в сфере экономики. Индустриальная независимость, богатейшая база природных ископаемых, передовые рубежи по многим направлениям науки и техники, мощнейший военно-промышленный комплекс, высококвалифицированные производственные и управленческие кадры. Все это и многое другое было достигнуто во многом благодаря общественной собственности на средства производства, позволяющей концентрировать огромные материальные и людские ресурсы, централизованно успешно решать крупные проблемы.

Но эта, безусловно, положительная сторона социалистического хозяйствования, будучи возведенной в абсолют, породила и множество негативных моментов, которые, накапливаясь исподволь, подточили ствол советской экономики.

Прежде всего произошло гиперобобществление всей хозяйственной сферы, огосударствление тех областей трудовой деятельности, где данный порядок сковывал инициативу и предприимчивость работников, вел к утрате связи с потребителями, был безразличным к качеству продукции и услуг, делал бессмысленной экономию труда и материалов.

Такие сферы экономики как торговля, общественное питание, бытовое и коммунальное обслуживание, промыслы и народное ремесло, сельское хозяйство были во многом парализованы неповоротливой государственной машиной, хронически отставали от мировых тенденций и не выполняли важнейшую функцию по удовлетворению потребностей развития трудящихся.

Будучи не заинтересованы творить, безынициативные в своей деятельности, эти отрасли предлагали товары и услуги, недостойные современного человека. Это особенно резко бросалось в глаза при сравнении с продукцией и услугами подобных отраслей, действующих в условиях борьбы за потребителя. В известном смысле можно сказать, что социализм в глазах населения стал проигрывать во многом на бытовом уровне.

Государство, правящая партия вместо того, чтобы сосредоточиться на развитии стратегического эшелона экономики, пытались удержать в своих руках все сферы народного хозяйства. В итоге силы и внимание расплылись, а не концентрировались на ключевых направлениях, в отраслях сферы индивидуального потребления действовал в основном запретительный режим. Так, ни один директор магазина не имел права устанавливать цены ни на какую продукцию, включая скоропортящуюся. Пока решение о снижении цен на сезонную овощную или фруктовую продукцию проходило цепь инстанций (магазин – райпищеторг – горторг – облторг – Министерство торговли и обратно) овощи и фрукты, подлежащие немедленной реализации, просто сгнивали.

В деле обобществления собственности допустили серьезные забегания вперед, забывая, что типам собственности должны соответствовать уровни развития производства средств к жизни. Если средства производства находятся в индивидуальном использовании, то и форма собственности им нужна индивидуально-трудовая. Ножницы в руках парикмахера не нуждаются в обобществлении и государственном, планово-централизованном управлении. “Зачем парикмахеру министр?”, – говорил известный советский экономист Алексей Алексеевич Сергеев. И был, конечно, прав. Пусть он работает индивидуально на свой страх и риск и зависит только от удовлетворения нужд клиента. Так же и повар, и портной и др. А государство, если служит народу,

должно было оберегать такого рода работников, помогать им в деле удовлетворения потребностей населения.

Под лозунгами строительства социализма борьба во имя прибыли в этих сферах была не на жизнь, а на смерть. В итоге одержали полную победу. Только над кем?

Особенно отличился предтеча нынешних демократов Хрущев.

Этот фарисей отбирал последние источники существования у миллионов советских людей, лишая их приусадебных участков и покосов, удушая подсобное хозяйство налогами и просто штрафами, госпошлинами, преследованиями. И это почему-то называется “оттепелью”. Для простых тружеников с нищенской госзарплатой, для крестьян, работавших вообще даром, этот период был свирепой стужей.

В том случае, когда объекты собственности созданы коллективом и находятся в коллективном пользовании, достаточно иметь коллективные формы собственности с коллективной ответственностью и самофинансированием. Государство в этих случаях устанавливает рамочные условия функционирования коллективных предприятий, применяя в основном косвенные методы регулирования.

Там же, где крупные объекты собственности созданы всем обществом и приводимы в действие общественным трудом, безусловно должна быть общественной собственностью, защищенной государственной формой. Это энергосистемы, транспортные артерии, системы связи, крупные машиностроительные заводы, оборонная промышленность, наука и многое другое.

Здесь- то и надо было думать и управлять по-крупному, по государственному, а это зачастую не получалось. В том числе и потому, что силы партии и правительства были расплывены, не сконцентрированы. Характерно признание В.Кабаидзе – видного хозяйственника, директора Ивановского станкостроительного завода. Он во второй половине 80-ых годов писал, что

за последние 20 лет ни одного нового, прогрессивного задания или предложения для его завода со стороны Министерства не поступило.

Бюрократам хотелось единообразия, одноукладности, а реальная жизнь, экономика этого не терпит. Она развивается сложно, по мере вызревания производительных сил. Однако, игнорируя теорию и практику, под лозунгами ускоренного строительства социализма, а то и сразу коммунизма жаждущие выслужиться номенклатурщики забегали вперед, выкорчевывали многоукладность, а с ней и ремесла, и трудолюбие, и народную культуру и многое, многое другое не менее ценное. Люди покидали родные места, стекались в города, где скапливались в общежитиях или коммуналках, спивались и вырождались, оторванные от родной земли и лишённые нормальных, человеческих условий жизни.

Думается, что цель строительства социализма не в единообразии, а в бережном отношении ко всем сложившимся общественно-экономическим укладам, в аккуратном их регулировании и координации с концентрацией усилий (со стороны государства) на ключевых, стратегических направлениях.

Социалистическое руководство экономикой открыло, разработало и успешно применяло эффективный инструмент управления - планирование. Новые прогрессивные экономические отношения вызвали к жизни соответственно и новые методы управления. Плановое управление народным хозяйством, разработка и выполнение пятилетних планов во многом способствовали выводу России на передовые индустриальные рубежи, сделали ее ведущей среди развитых стран мира.

В период первых пятилеток благодаря планированию осуществлялось продуманное размещение производительных сил, концентрация ресурсов на создании передовых, крупных жизненно важных объектов: энергосистем, металлургии, машиностроения, обороны, транспорта, социальной инфраструктуры. Был сделан величайший рывок от ручного, кустарного производства к

машинному, что позволило кардинально поднять качество продукции и производительность труда.

Успехи были очевидны. В период жизни одного поколения трудящихся происходили существенные позитивные изменения в условиях труда и его эффективности, а также обогащение социальной сферы. В промышленности утвердилась 42-часовая рабочая неделя по сравнению с 58-часовой дореволюционной. Бурно развивались образование, наука, здравоохранение, культура.

Заслуги планового ведения народного хозяйства неоспоримы как в период индустриального скачка первых пятилеток, в военные годы, так и в период послевоенного восстановления. Но уже в 60-е годы в плановом управлении начали накапливаться негативные явления, приведшие в итоге к его дискредитации в целом.

Планирование практически не развивалось. Оно переводилось на стоимостные показатели, которые по существу ему противостояли. Современное производство, обновляя технологические принципы, все более и более становилось производством научно-техническим, основанным на непосредственном использовании достижений науки и техники, что вело к экономии затрат труда и материалов, повышению качества продукции. Вся же система плановых методов по-прежнему оперировала стоимостными показателями, отражающими затраты труда на производство продукции. Вследствие это запланированные показатели роста выпуска продукции в рублях стимулировали рост затрат на ее производство, оставаясь безразличными к ее качеству, и прямо противодействовали экономии общественного труда, удовлетворению жизненных потребностей трудящихся.

Планирование все более и более превращалась из эффективного средства управления в средство усиления затратности, расточительности экономики, что становилось мощным препятствием в развитии науки и техники. Их приходилось “внедрять”, преодолевая экономическое сопротивление, ибо

применение науки и техники вело к экономии труда и материалов, что снижало стоимость, объемные показатели, обязательный рост которых был заложен в государственных планах. Другой бедой планирования был его формальный характер. Планы составлялись “кабинетным” методом, без исследования реальных потребностей потребителей, будь то предприятие или население. В результате выпускалась устаревшая продукция, зачастую не нужная ни в производстве, ни в быту.

Характерен в этом смысле инцидент, произошедший в конце 80-х годов между Госпланом и Министерством, с одной стороны, и ПО “Уралмаш”, с другой. Был принят новый порядок утверждения планов предприятия. Трудовые коллективы добились права утверждения производственного плана своим решением. И вот получив плановые задания от своего министерства по производству мощных буровых установок, трудовой коллектив отказался утвердить их, мотивируя отказ не только нерентабельностью производства данной продукции, но и отказом в приобретении этих установок потенциальными потребителями. Уралмашевцы выполнили то, что должно было сделать министерство: поинтересовались потребностью в запланированной продукции.

Плановые органы не удосуживались выяснить у конкретного потребителя его запросы. Они просто, сидя в кабинетах, выдавали контрольные цифры роста. Все выходило красиво. Объемы пропорций возрастали, трудовое напряжение повышалось, курьеры носились, циркуляры циркулировали. А в итоге происходило омертвление живого труда и расход материалов при производстве устаревшей, неэкономичной и никем не покупаемой продукции.

На рубеже 60-70 годов необходима была переориентация всей системы планирования на показатели экономии труда, качества продукции и повышение благосостояния трудящихся. Однако этот переворот в плановом управле-

нии сказался не по силам официальной экономической науке. Проще было вообще опорочить и выбросить народно-хозяйственное планирование.

Придворные экономисты, чтобы скрыть свою неспособность усовершенствовать и развить это эффективное средство управления, обратились к рынку. Он был объявлен чудодейственным средством автоматически решать все проблемы экономики. Результаты последнего рыночного десятилетия, как говорят в народе, “на лице”. Или как красиво теперь пишет С.Глазьев: “Игнорирование структурных особенностей российской экономики в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации спровоцировало процессы дезинтеграции экономики и нарастание хаоса.”[1].

Говоря о нынешнем экономическом положении, зачастую просто катастрофическом, необходимо все же помнить, что многие диспропорции и провалы закладывались в прежние годы. Они-то и привели социализм в Советском Союзе к поражению на экономическом поле.

В этом смысле можно и нужно анализировать и вскрывать допущенные искажения социалистического пути и не только для того, чтобы понять причины трагедии, но и увидеть перспективы социализма в России. В уроках прошлого в экономике социализма следует отметить удручающее положение, сложившееся в стимулировании, в мотивации эффективного и высококачественного труда, особенно в среде рабочего класса и крестьянства. Уровень заработной платы в Советском Союзе не позволял создать нормальные, человеческие условия для развития семьи, личности. Господство дефицита почти на все предметы потребления порождало безразличие, невозможность создания нормальных бытовых условий, порождая пьянство, бездуховность. Сейчас положение трудящихся конечно еще хуже. Но ведь нынешний строй особенно и не претендует на социальную справедливость, на благотворительность, на благородные цели. Он прямо объявил о капитализме, господстве частной

собственности, о борьбе за выживание каждого. С него и спроса-то особенного нет.

Еще одной объективной причиной падения эффективности экономики, застоя в социальном развитии, а в конечном итоге – и в развале СССР явилась гипертрофированная централизация управления, вернее формализации централизма в виде растущего числа министерств и ведомств, придания им функций полного владения и распоряжения общественной собственностью на всей территории Советского Союза. Сосредоточившись в центре, в Москве эти органы вели по отношению к регионам по сути колониальную политику. Причем от такой политики страдали как дальние регионы Сибири и Дальнего Востока, так и центральные, включая Ленинград. Особенно доставалось России.

Через ведомственную систему в Центр выкачивался как прибавочный продукт, создаваемый в промышленности и сельском хозяйстве, так и ценнейшее сырье, русские ископаемые богатства, достижения культуры, науки и техники, лучшие кадры и таланты.

Господство отраслевой системы управления позволяло министерствам и ведомствам безответственно хозяйничать на территориях, не заботясь ни о социальных проблемах, ни об экономике. Местные власти, население регионов были бесправны перед хозяевами из Москвы. Так например, в Ленинградском регионе к середине 80 годов функционировало более 300 крупных предприятий и организаций 150 министерств и ведомств, практически не подконтрольных в своей хозяйственной деятельности городским властям. Последние были обязаны лишь создавать условия для их успешного функционирования. Робкие попытки скоординировать деятельность указанных предприятий с учетом региональных интересов в виде территориальной программы типа “Интенсификация 90” были уже припарками к умирающему телу затратной экономики.

Руководство страны в этом случае, как и по многим другим ключевым моментам социалистического строительства, отошло от принципов, сформулированных основателем государства В.И. Лениным. Он всегда полагал приемлемым для Советской России систему управления через крупные совнархозы. Однако легче было клясться в верности ленинизму, бесконечно присваивать его имя, празднуя его дни рождения и смерти, строить помпезные музеи и памятники, чем следовать его идеям в реальной жизни.

Территориальная система управления экономикой более органично позволяет сочетать централизм с демократией. Центр, передавая заботы социального развития регионам, которые с учетом географического, климатического, природного и национального аспектов несомненно лучше могут руководить территориями, получает возможность сосредоточиться на стратегических направлениях.

При территориальной системе управления, а также самоуправлении не было бы столь навязчивого стремления у союзных республик избавиться от Москвы.

Наибольший ущерб отраслевая система управления нанесла России. Посредством централизованных “насосов” из российских регионов выкачивались все соки. А центр, чтобы ублажить (зачастую из политических соображений) союзные республики, выбрасывал на их развитие огромные ресурсы, которые, будучи для получателей даровыми, использовались расточительно. На Россию смотрели как на дойную корову, обязанную содержать всех и вся. При этом спокойно, как говорится, насосавшись досыта, бросали в лицо России и русским обвинение в имперском поведении и в отсталости.

Наиболее яркий пример – это освоение целинных и залежных земель в Казахстане. Эта авантюра была проведена прежде всего за счет исконных русских областей. В результате в России образовалась целая зона народного бедствия - “Нечерноземье”.

Специального внимания и глубокого анализа требуют экономическая и социальная политика Советской власти по отношению к крестьянству. Огромный аграрный сектор СССР длительное время являлся тем бездонным колодезем, из которого государство безоглядно черпало людские и материальные ресурсы. Он использовался для обслуживания городов как поставщик ресурсов для промышленности и строительства, в основном как сырьевой придаток индустриализации. Организация собственно сельской нормальной жизни была на втором плане.

Постоянное перекачивание ресурсов в города подрывало село, делало жизнь в нем тяжелой и отсталой. А это в еще большей мере приводило к оттоку населения, особенно молодежи в города.

Партия и Советская власть за все 75 лет так и не сумели повернуться лицом к жителям и работникам сельскохозяйственной сферы. Более того, все меры были подчинены одному – как побольше выкачать средств из крестьянства. Для этого особенно пригодились стоимостные инструментариумы хозяйствования, позволяющие “цивилизованно” перекачивать, а попросту воровать чужой труд.

Так, под видом совершенствования хозяйственных отношений была отменена натуроплата за труд в колхозах и совхозах. Вместо натуральной сельскохозяйственной продукции крестьянин стал получать денежные бумажные знаки. Теперь вся продукция без остатка могла вывозиться в города, где и были *элеваторы*, мясокомбинаты, мукомольные заводы и т.п., а взамен сельскохозяйственным предприятиям начислялись денежные суммы, носившие практически условный характер, поскольку реализовать их в силу всеобщего дефицита и жесткого распределения, превратив в материальные и духовные блага, было невозможно. Крестьяне тоже получали бумажки, с которыми вынуждены были ехать в город за многими товарами, в том числе и за

продуктами питания, подвергаясь за это еще и издевательствам со стороны городских жителей – “нахлебники приехали, колбасу нашу вывозят”.

Отмена натуроплаты окончательно подорвала возможность ведения личного подсобного хозяйства.

Другим действенным способом выкачивания продукции, создаваемой в сельском хозяйстве (опять же с помощью товарно-денежных инструментов) была практика продажи техники колхозам. Ликвидация машинно-тракторных станций (МТС), где затраты на технику несло государство, заставило колхозы большую долю заработанных средств, в ущерб прежде всего социальной сфере, направлять на закупку дорогой сельскохозяйственной техники. Подобный грабёж под видом торговли осуществлялся и через продажу стройматериалов, удобрений и прочее, прочее. Ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию состригали не только весь прибавочный продукт, создаваемый в аграрном секторе экономики, но и большую часть необходимого продукта. И после этого некоторые экономисты и журналисты смели утверждать, что сельскохозяйственное производство было нерентабельным.

Мимо сел и малых городов через сеть гигантских нефте- и газопроводов, линий электропередач и железных дорог рекой текли нефть, газ, электричество, лес и т.п. – невозполнимые ресурсы. А в России к 80-вым годам только 3% сел и малых городов были газифицированы. Нормой были перебои с бензином, соляжкой и электричеством. В магазины исправно завозили только водку. Удручающее бездорожье, запреты на индивидуальное строительство, хилая культурная и социальная инфраструктура, – все это свидетельствует скорее о провалах, чем о достижениях социализма в сельской местности.

Наше общество, каким оно предстает в настоящее время, с его кризисами в экономике и многими провалами в других сферах жизни, является ре-

зультатом действия прежде всего объективных причин, лежащих в сфере экономики. Они заложены в тех социально-экономических формах, которые по своей сущности являются капиталистическими. Чем шире внедряются формы иной по отношению к социализму природы, тем больше деформируется общество в целом.

Перевод предприятий на коммерческий расчет и прибыль в период нэпа привел к взвинчиванию цен и к экономическому кризису, разразившемуся в 1923 году. Современный кризис в экономике свое начало берет с 60-х годов. До этого хозяйственный организм был ориентирован в общем и целом на снижение себестоимости и стоимости продукции (следовательно, на ограничение роли стоимости), на рост производительности труда за счет его экономии, что на некоторое время после реформы 1965 года еще поддерживало здоровое развитие экономики. В дальнейшем заложенный в реформу затратный механизм, работающий на получение большей стоимости и прибыли, повел экономику к кризису. Произведенные поправки в этом механизме смогли лишь на время задержать этот процесс (застойный период), но не остановить. По мере расширения товарно-денежных и рыночных рычагов хозяйствования в рамках “радикальной” экономической реформы кризис стал углубляться: ориентация на стоимостные результаты (вал) и прибыль стала возобладать; масса потребительных стоимостей начала уменьшаться и ее стало не хватать для удовлетворения первейших нужд трудящихся, а прибыль продолжала расти. После изъятия из системы управления показателей снижения себестоимости и роста производительности труда, положительно влиявших ранее на экономию труда, затратные методы получили полную свободу. Хозяйственный расчет из метода экономии и учета затрат превратился в способ увеличения затрат и прибыли, потеряв значение метода социалистического хозяйствования. Его модели одна за другой оказывались неэффек-

тивными, сопровождались расстройством финансовой системы и потребительского рынка.

Субъективизм в проведении экономической политики не давал возможности ранее и не позволяет ныне усматривать причины кризиса в расширяющихся товарно-денежных отношениях, рыночных механизмах и законах их функционирования, традиционно связываемых со стихийным характером их действия. Субъективизм, отождествляя объективность со стихийностью, вместе с тем охотно признает возможность сознательного регулирования законов развития отношений общественной собственности, как якобы создаваемых и изменяемых по воле людей и государства. В этом случае причиной кризисных явлений объявляются действия бывших руководителей, административных органов, приведших к непомерному расширению отношений общественной собственности, ее максимальному обобществлению, огосударствлению и отчуждению от народа, а средством их преодоления - та же воля государства и его руководящих органов, действующих в обратном направлении.

Чтобы избежать субъективизма, необходимо, опираясь на материалистический метод, выявить объективные противоречия существовавшего у нас общества, в частности, установить, почему и каким образом товарно-денежные механизмы вызвали кризис и препятствуют социально-экономическому развитию страны.

К 1990 году рост производительных сил и научно-технический прогресс, несмотря на их ограниченный характер, привели к процессу постепенного относительного и абсолютного сокращения затрачиваемого в материальном производстве живого труда. Начиная с 1987 года, все 100% прироста национального дохода достигались за счет роста производительности труда и уменьшения потребляемого в материальном производстве живого труда, что сопровождалось сокращением численности занятых в материальном произ-

водстве и неизбежным уменьшением вновь создаваемой в нем стоимости. То обстоятельство, что прирост национального дохода стал достигаться только за счет производительности труда, будучи для страны эпохальным завоеванием, мало что давало трудящимся массам.

Товарно-денежный механизм хозяйствования, наоборот, ориентирует экономику на увеличение стоимости и в форме денежного вала, и, особенно, в форме растущей стоимости прибавочного продукта. Каждый раз ставится задача не их уменьшения, а их увеличения, что противоречит объективному, порождаемому НТП движению вновь созданной стоимости к снижению. Вместо того, чтобы учитывать эту объективную тенденцию, планировать уменьшение вновь создаваемой стоимости и снижать цены, делается обратное - повышаются цены и норма прибыли, увеличиваются затраты прошлого труда и тормозятся экономия живого труда и научно-технический прогресс, ведущий к этому. Ложная видимость роста стоимости прикрывает реальное падение темпов роста потребительных стоимостей, отрицательно сказывается на жизненном уровне трудящихся масс.

Наиболее остро это противоречие проявлялось в росте нормы прибыли прибавочного продукта и в соответствующем ухудшении экономического положения рабочего класса. Уменьшение вновь созданной стоимости в абсолютном масштабе сопровождалось и возмещалось увеличением доли прибавочного труда в общем объеме затрат живого труда. По данным экономистов, наш рабочий в среднем получал лишь 35-40% созданного им продукта. Экономия труда, достигаемая в результате научно-технического прогресса, не превращалась в достояние рабочих и крестьян; рабочий день не сокращался; цены на предметы потребления увеличивались, а заработная плата замораживалась; возникали условия для массовой безработицы.

Это еще раз подтверждает, что стоимость, товарная форма рабочей силы, особенно стоимость прибавочного продукта (прибыль, чистый доход и т.п.),

выставленные в качестве цели и результатов производства, где присвоение своего продукта осуществляется на основе собственного труда), выражают отношения эксплуатации труда, причем при любой форме собственности. Стоимость в товарном хозяйстве является первичным, сущностным социальным отношением труда. Стоимость прибавочного продукта выступает результатом, доходом лишь для тех, кто живет за счет этого продукта. Для рабочего же он стоит затрат его труда и не меньшего, а большего количества пота, чем создание необходимого продукта. Если ему достается часть прибавочного продукта, то тем самым она превращается в необходимый продукт и достается ему не по праву собственности, а на основе его производительного труда.

Расширяющиеся стоимостные формы хозяйствования вступали во все более обостряющиеся противоречия не только с производительными силами, но и с развивающимся общественным характером производства и его носителем - общественной собственностью. Нарушались непосредственно общественные связи, росли экономическая обособленность предприятий, экономических районов и республиканских хозяйств под видом их перевода на хозрасчет. На этой основе развивался групповой и региональный эгоизм.

Общественная собственность вместо того, чтобы все более реализовываться и как непосредственная собственность производителей, их достояние как хозяев, - все больше подводилась под государственный закон, переходила в собственность административно-территориальных единиц, и, попадая в распоряжение того или иного управленческого аппарата, неизбежно деформировалась, теряла общенародный характер. Стоимостные формы в условиях современного крупного производства не нуждаются в хозяине, в собственнике в лице непосредственных производителей, им нужен другой хозяин - административный аппарат, управляющие кооперативным или арендным предприятием, "работодатели", противостоящие массе наемных работников. Общественная собственность не может долго базироваться на отношениях

стоимости, она неизбежно начинает разрушаться, перестает гарантировать труд от эксплуатации. Широкое внедрение стоимостных механизмов вызвало политику фундаментальных изменений в отношениях собственности в сторону ограничения ее общенародного характера, передачи предприятий в собственность акционерам.

В сфере распределения противоречия сосредотачиваются вокруг все углубляющейся дифференциации доходов и их распределения. С одной стороны, получение трудящимися необходимого продукта в обмен на труд по стоимостному (эквивалентному) принципу не позволяет им иметь за свой труд больше, чем стоимость продукта, необходимого для воспроизводства своей рабочей силы, т.е. обмен эквивалентов не дает им возможности “приращения” своего благосостояния и развития, выходящего за пределы стоимости необходимого продукта, равной общественными затратам их рабочей силы: сколько ее израсходовал, столько и получай на ее восстановление.

Еще меньше теоретических оснований выводить возможность “прибавочного” развития и благосостояния непосредственных производителей из неэквивалентного обмена, предполагающего отчуждение создаваемого им прибавочного продукта. Их доля в общественном фонде потребления, в том числе полученное образование и последующее пенсионное обеспечение, а также их участие в прибылях возмещаются рабочими в период трудовой деятельности (из средней продолжительности времени труда в 40 лет, рабочий за 9 лет окупает все полученные фонды). С другой стороны, лица, живущие за счет произведенного в материальном производстве прибавочного продукта, не ограничены эквивалентным обменом при получении своих доходов. Они своим трудом не создают фонда своего материального существования и присваивают потребляемую ими часть прибавочного продукта не по своему вкладу в него, не по труду, а по занимаемому месту в иерархии служебных должностей, прикрытому общей формой распределения по труду.

Стоимостные формы эквивалентного и неэквивалентного распределения, ведущие к дальнейшему имущественному расслоению, все более сталкиваются с потребительностоймостным принципом распределения, исходящим из необходимости получения трудящимися жизненных средств не по меркам цены их рабочей силы, которая может опускаться ниже прожиточного минимума, а по нормам, обеспечивающим их нормальное существование и развитие. Количество и качество благ, нужных для удовлетворения жизненных потребностей, определяются уже не их стоимостью, а их потребительной стоимостью. Обесценению зарплаты рабочие противопоставляют требование нормированного обеспечения необходимыми жизненными благами. В противном случае, т.е. при распределении по условиям затрат труда на производство стоимости, может создаться положение, когда некому будет убирать урожай, общество в лице живущих на зарплату не будет заинтересовано в производстве дешевых, но необходимых для жизни продуктов.

Экономические противоречия в сфере собственности и распределения вызывают дальнейшую социальную поляризацию в обществе: расширение товарно-денежных механизмов приводит к росту мелкобуржуазного слоя общества и выделению из него “новых богатых” - “советских” миллионеров. На этой социальной базе возрождается теневая экономика, растут групповая преступность, коррупция и взяточничество. Одновременно у все большей части трудящихся классов ухудшается жизненное положение, возникает опасность потерять работу и оказаться в числе безработных.

Главным экономическим уроком является следующий. Если не перевести экономику со стоимостной на потребительностоймостную основу, социализм не только не развивается, но неизбежно разрушается, а трудящиеся рано или поздно утрачивают свою власть. Отсюда вывод: перевод экономики на потребительностоймостную основу – это главная задача грядущей народ-

ной власти и готовиться к решению этой задачи надо заранее, создавая необходимые политические и теоретические предпосылки.

2. Политические уроки

Экономические отношения, играя основополагающую роль в развитии страны, не только порождают, но и одновременно сами подвергаются активному воздействию политических форм и методов.

Оценивая сложный путь формирования Советской власти, нельзя не видеть ее глубокие исторические и народные корни, нельзя не отметить действительные успехи в деле построения общества социальной справедливости. Именно Советская власть раскрыла гигантский потенциал трудового народа, подняла широчайшие массы на творчество, ударничество, массовый героизм в труде и в бою.

И все же, казалось бы, после более чем 70 лет господства Советская власть ушла с политической арены практически со всей территории СССР без сопротивления. А может быть это была уже и не Советская власть?

Здесь, по-нашему мнению, кроется еще одна фундаментальная причина отступления социализма в России.

Как известно, Советская власть задумалась и обосновывалась В.И. Лениным как власть трудового народа, как форма диктатуры пролетариата. А чтобы это не было просто лозунгом, необходимо обязательное выполнение соответствующих процедур ее формирования.

Эти процедуры имеют достаточно глубокие исторические корни и были проверены в ходе становления Советской власти. Выросшие из стачечной борьбы первые Советы формировались по фабрично-заводскому принципу, путем делегирования трудовыми ячейками своих представителей в эти своеобразные органы управления.

Весь смысл Советской власти состоит в том, что основной избирательной единицей выступает не территориальный округ, а производственный

коллектив. То есть избирательная масса, делегирующая свои полномочия депутатам, представляет собой не разобщенное, неорганизованное население территории, а в определенной мере деятельное и сплоченное трудовое сообщество.

Соответственно, в этом случае и выборы депутатов производятся по деловым качествам, и влияние на них со стороны избирателей – трудовых коллективов – более эффективное.

Таким образом в общем-то и происходило формирование Советов, которые и назывались Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советы, созданные по производственному принципу, имеют прочную социальную, экономическую базу власти, подконтрольны трудовым коллективам, более независимы от разнообразных политических сил.

Однако уже с самого начала создания Советов были допущены серьезные отступления от принципов их формирования и функционирования. Иначе невозможно объяснить, как получилось, что некогда не работавший ни в одном производственном коллективе Лейба Давидович Бронштейн (он же Троцкий), вернувшись в середине 1917 года из Америки, сразу же попадает в Петроградский Совет, в его руководящие органы, а затем и возглавляет его. От какого же завода или фабрики он был избран, какой трудовой коллектив делегировал его и ему подобных в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов? И этот вопрос применим не только к депутатам весьма сомнительной ориентации, но и к политически вполне выдержанным фигурам, таким, например, как В.М.Молотов.*

А дело все в том, что сразу было сделано исключение для партий. Они тоже смогли напрямую делегировать в Советы своих представителей. Вот в эту-то форточку в Советы сразу же и полетели партийные активисты, кото-

* Подробнее об этом см. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991.

рые и стали “властью рабочих и крестьян”, а в дальнейшем властью над рабочими и крестьянами. Эти активисты и авантюристы и внесли первую червоточину в здоровое тело Советской власти.

Такая непоследовательность при конструировании института Советской власти представляется одной из серьезных ошибок большевиков во главе с В.И. Лениным в деле советского строительства. Здесь мы видим явное отступление от своих же теоретических установок. Просто выбрали более легкий путь попадания во власть. Через привилегии. Зачем избираться через трудовые коллективы и быть напрямую подотчетным рабочим, когда можно было через партийный канал попасть в Советы? Не здесь ли кроются исторические корни партийной сотни, во главе которой партиец Горбачев проник в народные депутаты СССР?

Историческая ответственность (или безответственность) КПСС на наш взгляд заключается в том, что она не сформировала настоящую Советскую власть в соответствии с теоретическими установками и историческим опытом. Партия, обладавшая глубокой теоретической базой, в реальной жизни с легкостью игнорировала свои же научные и партийные принципы.

Советы были зачастую просто ширмой собственных властных функций партии. Так, видимо, было проще и легче, чем неуклонно выдерживать производственный принцип их построения. А может быть тогда Советы были бы более сильными и независимыми, и не все “бредовые” идеи “неистовых партийцев” удалось бы проводить в жизнь. Не получилось бы “творить” на костях собственного народа.

А в 1937 году партии вообще надоело играть роль настоящих Советом. По новой Конституции выборы по производственному принципу были отброшены вообще, вводился территориальный принцип. Это, наверное, был единственный случай, когда правящая партия, обладая всей полнотой власти, принимала фундаментальные государственные решения вопреки основным

положениям собственной, действующей программы партии, где было однозначно написано: “И основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика).”[2]

Перейдя на территориальные избирательные основы, Советская власть, перестав по существу быть советской и властью, стала совсем послушным орудием в руках партии, соглашаясь безропотно со всеми зачастую авантюрными идеями. Оторвавшись от трудовой базы она (вместе с КПСС) неизбежно выродилась и была окончательно выброшена за ненадобностью в 1993 году. Новая власть в Советах не нуждалась.

За попытки вернуть власть последний, хотя бы по названию, Верховный Совет России был расстрелян из танковых орудий по команде члена КПСС с 30-летним стажем Ельцина.

Еще одним существенным, негативным моментом в построении социалистического государства явилось во многом искусственное насаждение принципа федерализма.

Российская империя, на базе которой образовался впоследствии Советский Союз, была единым, унитарным государством, образованном в процессе активной экономической, военной и политической деятельности России на протяжении длительного исторического периода. Никаких равноправных объединений, независимых государств с делегированием полномочий центру, что является признаками Федеративного государства, не было. Российская империя выковывалась из различных материалов в единой сплав на базе русского народа.

Однако теоретические игры в основном активных представителей малых народов были закреплены в процессе “революционной” практики в форме Федеративного объединения единой ранее страны. И если для Советского Союза федеративный принцип с огромной натяжкой как-то может быть объяснен, то уж для России это вообще нонсенс. Никогда бывшие автономии, а

теперь так называемы республики, не обладали никакими признаками государственности, следовательно некому было объединяться в Федерацию.

Однако цельное тело России уже во времена становления государства было подготовлено к распаду (пока в виде автономий) как через обозначение границ между народностями, так и включением слова “федеративная” в официальное название. А ведь это название первоначально предполагалось отнести ко всей Советской России, получившей название Советский Союз, а не к той части, которая ранее именовалась Великороссией.

В последние годы пошли еще дальше. Эти автономные образования стали почему-то носить атрибуты суверенных государств с президентами, парламентом и прочей атрибутикой и символикой. Затем вообще ввели понятия субъектов Федерации, у которых для обособления практически все готово: есть правительство, законодательные органы, президент. В Ленинграде на одной площади, сохранившей название площади Пролетарской диктатуры, сидят два “правительства” – Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Нынешняя политика центра провоцирует на суверенизацию субъекты Федерации, многие из которых только ждут подходящего момента для обособления. Над Россией нависла угроза распада на 89 “независимых” частей.

На путях усиления федерализации народы, проживающие на территории современной России, ожидает хаос и беспредел.

Особого анализа требует деятельность правившей в течение почти 75 лет КПСС. Именно и прежде всего коммунисты должны осознать горькие уроки советского прошлого, найти в себе силы, мудрость и мужество признать ошибки, сделать правильные выводы.

За весь советский период нельзя не видеть огромную теоретическую, организационную, мобилизирующую роль партии коммунистов. В годы гражданской войны и первых пятилеток, в судьбоносный период Великой Отечественной войны и во времена послевоенного восстановления народного

хозяйства Коммунистическая партия в целом была действительным лидером. Она концентрировала государственную волю и народную мудрость, верой и правдой вела народы Советского Союза к светлой цели построения социально справедливого общества.

Роль партии в управлении социально-экономическими процессами в Советском обществе была в высшей степени значимой. Поэтому ее собственное просчеты и ошибки в еще большей степени сказывались на жизни всего общества.

К основным урокам, которые необходимо сделать, исходя из опыта коммунистического партийного строительства, относятся на наш взгляд следующие:

Во-первых, размывание социальной базы партии. Объявив себя при Хрущеве всенародной, коммунистическая партия оторвалась от своей классовой сущности, прежде всего от интересов рабочего класса. Она превратилась в партию “партийных чиновников” со своими собственными классовыми интересами и потребностями. Причем характерно, что эти партийные чиновники с большой охотой брались представлять интересы рабочего класса и крестьянства во всех органах управления.

Самых же рабочих и крестьян “вводили” в руководящие органы для вида, не допуская к решению никаких, даже мало-мальских важных вопросов. В результате коренные социальные проблемы не решались, а простые труженики все более и более отчуждались от управления, от власти как в обществе в целом, так и в самой партии. КПСС по существу сковывала социальную и политическую инициативу рабочих, крестьян и интеллигентов, не допускала их участия в борьбе даже за свои экономические права. Любые выступления рабочих жестоко подавлялись с благословения самой же коммунистической партии. Для инакомыслия интеллигенции всегда была готова узда.

Партийный аппарат, взяв на себя практически все политические функции в итоге обезоружил рабочий класс, отучил его от борьбы за свои права. Не случайно, поэтому рабочий класс мирился с нищенской заработной платой, а теперь мирится с собственным окончательным ограблением посредством приватизации и распродажи созданного его трудом производственного потенциала.

КПСС, оставаясь партией-монополистом, оказалась в привилегированном положении, не встречая здоровой конкуренции, она ослабла и постепенно разложилась, растеряв свои теоретические и боевые традиции. Ее внутреннее состояние, собственная партийная жизнь существенно отставали от быстротекущих процессов общественной жизни. Как могла, например, партия, поставившая своей целью построение справедливого и социально однородного общества достигнуть своей цели, если в ней самой внутри социальная дифференциация была в намного большей степени, чем в обществе. Разрыв в положении между секретарем ЦК и членом ЦК был огромен, не говоря уже о положении рядовых членов партии. Последние в своей же партии были по сути бесправными. Сквозь партийный номенклатурный частокол чрезвычайно трудно было пробиться новой мысли, новым предложениям.

Господствовавший партийный режим привел к тому, что многие “профессиональные революционеры” оказались самыми примитивными карьеристами, взяточниками, казнокрадами и закономерно, что их подлинными лидерами стали сперва Горбачев, а затем и Ельцин. Они не просто одиночки-предатели дела партии и коммунистических идеалов, – они представители определенных социальных слоев и групп, возвращенных в КПСС.

Не случайно при первых же трудностях подавляющее большинство партаппаратчиков разбежалось, побросав свои кабинеты в парткомах, райкомах, горкомах, обкомах и ЦК, не став отстаивать дело партии, в верности которому они публично клялись, а многие услужливо бросились сотрудничать

с новым режимом, преследуя недавних соратников, не пожелавших по указу сверху изменить своим принципам.

Почему 17-миллионная партия при первых же словесных “выстрелах в воздух” разбежалась? Смогут ли вновь возродиться коммунистические организации? Будут ли они действенными, поверит ли им Россия? Эти и многие другие вопросы требуют дальнейшего исследования и ответа. И меньше всего при этом нужны в зазнайстве и самоуспокоенности. Дескать, у нас уже вот сколько коммунистических партий. Вот-вот возьмут власть. А, может, партии и вообще-то власть брать не надо, а власть должен взять класс, руководимый партией? Но не такой партией, которая хочет подчинить себе класс, а такой, которая всю свою деятельность подчиняет интересам класса. Раскритикованная в свое время Сталиным зиновьевская идея о диктатуре партии, к сожалению, проникла-таки в практику, парализовала и удушила социализм и Советскую власть в России. И прежде всего от этой гнилой идеи надо освободиться тем, кто желает сегодня называться коммунистом. А главное и основное, что нужно сделать, – это освободиться от рыночной идеологии.

3. Теоретические уроки

Уроки развития социализма в СССР, его достижения и слабости, причины его разрушения нуждаются как никогда в строгом научном анализе, опирающемся на материалистическое понимание истории. Необходимые изменения угла зрения на социализм, смещение его видения от одной точки к другой в связи с особенностями исторического периода нельзя трактовать как преобразование сущности самого социалистического воззрения, выработанного за сотни лет развития науки о социализме. Плюрализмом мнений не оправдывать действительные отступления от теории научного социализма, от важнейших принципов учения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина о социализме.

Ленинский подход к социализму с позиций новой экономической политики (НЭП) как переходной формы к экономическому строительству социализма не может выдаваться за коренное изменение взглядов В.И.Ленина на социализм: будто бы В.И.Ленин социализм как первую фазу коммунистической общественно-экономической формации представил рыночным; будто бы контуры именно этого нэповского социализма вырисовывались из его последних работ, и этот социализм, составленный из «несвойственных» ему форм, якобы был его политическим завещанием.

В результате подобной интерпретации, вернее сказать, фальсификации истории и идей В.И.Ленина социалистическая революция и практика строительства социализма лишаются смысла и исторического оправдания, а борьба рабочего класса и трудового крестьянства России за социализм в годы революции и послереволюционное время предстает борьбой не за социализм, а за установление военного коммунизма, нэпа, командно-административной системы. С этой точки зрения вторая программа партии, разработанная В.И.Лениным и принятая VIII съездом РКП(б), и, тем более, третья программа выглядят не программами строительства и совершенствования социализма, решения задач, выдвинутых трудящимися массами, а ошибочной моделью социализма: одна – «военного» коммунизма, другая – «казарменного», «административно-командного».

В действительности экономические формы, введенные в годы нэпа, В.И.Ленин никогда не считал социалистическими. Наоборот, он неоднократно их называл капиталистическими, допускаемыми в условиях, когда политическая власть и командные высоты экономики находятся в руках рабочих и крестьян, и используемыми в конечном счете в интересах социализма. В.И.Ленин неоднократно говорил о вынужденном, временном отступлении, возврате к определенным капиталистическим экономическим формам, об

окончании этого отступления и о переходе от России нэповской к России социалистической.

Что касается социализма, то он в переходный период составлял лишь один из существующих укладов. С развитием этого уклада, а не капиталистических форм хозяйствования, В.И.Ленин связывал переход к социализму. Что и было закреплено во второй программе партии. Достаточно ее сравнить с приписываемой В.И.Ленину моделью «рыночного» социализма, чтобы убедиться в полной несостоятельности такого рода попыток и прямых фальсификаций идей научного социализма.

Социалистический уклад в его перспективе в этой программе был представлен строем, базирующемся на общественной собственности и преодолевающим капиталистический и мелкотоварный уклады переходного периода с их рыночной, товарной формой функционирования.

Модель «рыночного социализма», базирующаяся на использовании закона стоимости и товарно-денежных отношений, рынка товаров, рабочей силы и капиталов, предполагает плюрализм форм собственности, в их числе оказываются групповые (кооперативные) и индивидуальные формы частной собственности, собственность отдельных предприятий и организаций, административно-территориальных единиц (республик, областей, районов и др.), ибо свободный рынок без них невозможен.

В.И.Ленин никогда не считал первую фазу коммунистической общественно-экономической формации строем товарного производства, в котором господствует закон стоимости, хотя допускал сохранение в ней остатков буржуазного права и неравенства, вытекающих из необходимости учета индивидуальных затрат труда при распределении еще недостаточного объема жизненных благ, предназначенных для индивидуального потребления. Можно обвинить В.И.Ленина в допущении «ошибок» в этом вопросе (как это делают отдельные авторы), но никак нельзя его превращать в сторонника «ры-

ночного» социализма. Точно так же он считал изменой делу социализма замену собственности на средства производства и землю собственностью отдельных предприятий.

Согласно второй программе партии производство при социализме должно быть подчинено непосредственно (а не опосредствованно) лучшему удовлетворению потребностей трудящихся, достижению всестороннего развития всех (за счет общества), а не отдельных социальных групп или членов общества. Реализуется данная цель путем планомерно организованного в масштабе общества распределения продуктов, основная часть которых присваивается непосредственными производителями в виде дохода от их собственного коллективного труда, а другая часть выделяется по их согласию и усмотрению нанимаемыми ими служащими, выполняющими непродуцибельные функции. Чем выше уровень производительных сил и производительности труда, тем больше размер вознаграждения за труд.

В рыночной модели социализма в качестве принципа распределения выдвигается не лучшее удовлетворение потребностей и развитие каждого члена общества и всех трудящихся, а ориентация на различия в удовлетворении потребностей и интересов различных классов, социальных групп и слоев общества, реализуемая посредством стоимостного распределения (по стоимости рабочей силы), прикрываемого борьбой против уравниловки. В этом случае непосредственным производителям достается необходимая часть стоимости произведенного ими же общественного продукта, равная (эквивалентная) затратам общественно необходимого, значит, уравниваемого, труда на воспроизводство их рабочей силы, а стоимость прибавочной части их продукта присваивается лицами, выполняющими другие общественные функции, что не только сохраняет, но и расширяет имущественное неравенство.

В социальной сфере научный социализм и программа его осуществления предусматривают уничтожение в конечном счете классового деления

общества путем преодоления форм разделения труда между производительными и непроизводительными работниками, людьми умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного труда, управляющими и управляемыми. Это позволило бы функции социального управления выполнять самому народу, осуществлять власть народа посредством самого народа.

Рыночная модель социализма исходила из сохранения классового деления общества, но одновременно замалчивала роль рабочего класса, как ведущей социальной силы общества, и заинтересованность рабочих и крестьян в преодолении своего неравного классового положения по отношению к другим социальным слоям, живущим за счет их прибавочного продукта. Социальную справедливость предполагалось «достигнуть» на основе дальнейшей социальной дифференциации и в рамках растущих различий в социальном и имущественном положении граждан при условии, что их доходы получены в соответствии с законами стоимости и средней прибыли: от равного вклада в образование стоимости — равный доход.

Научное понимание и программное воплощение социализма предполагает, что установление общественной собственности на средства производства и подчинение экономики непосредственно росту благосостояния и развитию всех членов общества имеют своей политической предпосылкой взятие власти трудящимися, их самостоятельное управление предприятиями (самоуправление). Трудящиеся нанимают служащих для технологического управления производством и экономикой и, наделяя их необходимыми функциями, контролируя их работу, ведут дело к тому, чтобы социальные функции управления взять на себя и, тем самым, сокращать особый управленческий аппарат, сделать его со временем ненужным. Для этого они на предприятиях организуют первичные ячейки советской власти, осуществляют демократические выборы по производственному принципу: основной избирательной единицей становится округ трудового коллектива (завод, фабрика, объедине-

ние, организация и т.д.). Политическая, государственная власть все более превращается в общественное самоуправление, управление людьми заменяется управлением вещами и производственными процессами. На этой основе расцветает подлинная демократия, устанавливается контроль народа над еще сохраняющимся небольшим профессиональным управленческим аппаратом.

Рыночная модель социализма при всем отрицательном отношении к административной системе не затрагивает ее носителя — государственный аппарат, неизбежно связанный с администрированием и командованием. Речь ведется лишь о новом аппарате некоего правового государства, якобы более гибком и демократичном способе правления со стороны профессионального слоя управленцев, который на самом деле неизбежно расширяется и усиливается при передаче части общенародной собственности территориально-административным единицам и акционерным предприятиям. Рабочий класс и крестьянство в лучшем случае допускаются к участию в выборах органов власти по месту жительства, не имеющих прямого отношения к производственной деятельности населения, особенно рабочего класса, экономически обеспечивающего Советы.

Программа научного социализма в области развития духовной культуры исходит из необходимости ее превращения в достояние широких народных масс, преодоления монополизации условий научного и культурного развития в руках элитарных социальных групп, стирания граней в культурно-техническом уровне рабоче-крестьянской массы и интеллигенции путем непрерывного повышения образования трудящихся, соединения обучения с производительным трудом, массового вовлечения трудящихся в активную духовную деятельность.

Рыночная концепция социализма оставляет без внимания вопросы повышения культуры трудящихся масс, ее народное и социалистическое содержание приносит в жертву абстрактным общечеловеческим принципам,

лишенным национального и классового характера, затушевывает различия буржуазной и социалистической культуры.

Таким образом, социализм в его научном понимании, в подготовленных В.И.Лениным программных документах партии, — это социализм, за который боролись рабочие и крестьяне в 1917 году и отстаивали его в гражданскую войну, защитили в годы Великой Отечественной войны. Подтверждением жизненности принципов научного социализма являются забастовки и выступления разных отрядов рабочего класса, интеллигенции. Их действия и требования направлены против капитализации социализма, внедрение которого, начиная с 70-х годов, принесло немало бед рабочему классу, сопровождается выкачиванием все большей прибыли, повышением цен, ухудшением положения рабочих, ростом социальной дифференциации, появлением национальной и компрадорской буржуазии.

«Рыночный социализм» является формой мелкобуржуазного социализма. Его теоретическую основу составляет субъективизм, который исходит не из объективного хода развития общества, а из некоего «социалистического» идеала, абстрактного критерия социалистичности, сконструированных в соответствии с тем или иным «видением» целей, содержания, функций социализма. В итоге этот идеал социализма оказывается продуктом его «видения» со стороны имущих слоев населения, полагающих, что желаемые общественные отношения, в том числе материальные производственные отношения, формы собственности они могут ввести посредством спланированного законопроекта, организации для его защиты соответствующей парламентской группой: захотели – выбрали данную модель, захотели – другую – независимо от объективных условий и объективных законов общественного развития.

Научная концепция социализма исходит из объективных причин, факторов и предпосылок, определяющих историю, настоящее и будущее общества. Она отвергает оценку и объяснение прошлого и современного состоя-

ния общества с позиций «идеальной» или «нормативной» модели социализма, в частности, – отклонениями от нее из-за допущенных ошибок, нежеланием оказавшихся у власти руководителей следовать по пути «истинного» социализма и устранением тех, кто хотел осуществить его, страхом перед всесильной административной системой и т.п.

Неудовлетворенность растущим социальным расслоением общества в наиболее острой форме проявляется в отношениях трудящихся масс к административному аппарату управления, монополизировавшему функции распоряжения собственностью и распределения общественного продукта. Сложилась ситуация, когда не рабочие и крестьяне нанимают аппарат управления, а он их нанимает, делая трудящегося человека наемным работником, поденщиком. Хозяином на деле оказались управленцы, что теперь закреплено Законом о порядке разрешения коллективных трудовых споров, ставящим администрацию в противостоящее, а не подчиненное трудовому коллективу положение. Это неизбежно вызывает социальную напряженность. Недоверие ко все более растущему аппарату управления оборачивается организацией забастовочных, а затем рабочих комитетов и Советов. У рабочих возникает страстное желание вернуть власть в свои руки.

Социальное расслоение неизбежно порождает серьезные противоречия в области идеологии: идеологии рабочего класса в лице марксизма-ленинизма, являющегося основой идейного единения большинства общества, противопоставляется мелкобуржуазная идеология социал-демократического толка, базирующаяся на ревизии марксистско-ленинского учения; в оценке исторических событий все более сталкиваются подход с позиции рабочего класса с мелкобуржуазной позицией, принимающей форму объективизма и общечеловеческих критериев; обостряется борьба между интернационализмом трудящегося народа и национализмом мелкобуржуазных слоев национальных республик, между народно-патриотическим, гуманистическим нача-

лом и космополитическими извращениями в культуре, между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями.

Если же свести к общему экономическому знаменателю противоположные течения в области теории и идеологии, то они сводятся к противоположности между мертвящей товарно-рыночной, стоимостной основой буржуазного строя и зреющей в недрах этого строя непосредственно общественной, потребительно-стоимостной основой социализма.

ГЛАВА II. ЗА СОЦИАЛИЗМ НА ЕГО СОБСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. Трудовая теория потребительной стоимости — научная основа создания экономики социализма

Тезис о трудовой теории потребительной стоимости как новой парадигме экономического познания социализма, сформулированный нами в предшествующих работах, поддерживает ряд известных наших ученых. «Настал период, — пишет Р. И. Косолапов, — когда общество должно смело отказаться от «политической экономии стоимости» и перейти к «политической экономии потребительной стоимости», поставив последнюю в центр всей экономической теории и практики». [3]. «По логике вещей, — утверждает В.Н. Черковец, — трудовую теорию стоимости должна заменить теория потребительной стоимости (общественной, непосредственно общественной), которая будет призвана разработать и применять научные методы определения полезности (общественной, непосредственно общественной) создаваемых материальных и нематериальных благ не через стихийные рыночные цены ...». [4].

Разработку и тем более применение трудовой теории потребительной стоимости, к сожалению, относят на далекое, причем неопределенное, будущее. Для одних — это «постиндустриальное» общество, для других - “техно-тронное». Во всяком случае, по мнению В. Н.Черковца, в настоящее время для такой теории пока нет соответствующего объекта.

В современных наших условиях, когда господствует рыночная стихия, когда не только человеческое тело, но и нравственность, честь, совесть и многие другие духовные ценности превратились в предмет купли-продажи, говорить о преобладании потребительной стоимости не приходится. И все же предпосылкой стоимости была и остается потребительная стоимость. Без учета последней никакое производство не может обходиться. Дело не в том, что для теории потребительной стоимости нет реального объекта. Люди живут за счет потребительных стоимостей продуктов (стоимость не съедобна), в работе используют потребительностоймостные свойства орудий и предметов труда, достигают дополнительных результатов благодаря потребительной стоимости своей рабочей силы, т.е. труда, который не имеет стоимости. На основе принципов движения потребительной стоимости функционируют крупные экономические процессы: развитие производительных сил, научно-технический прогресс, динамика производительности труда, движение общественного продукта, возможность расширенного воспроизводства, планирование и т.д. и т.п. Нетоварность протекания этих процессов, их подчиненность законам движения потребительной стоимости явились основным условием приобретения нашим обществом преимуществ в экономическом развитии. В этой области общество практически «вырвалось из пут товарности, что и давало известные великолепные результаты». [5].

Посредством индустриализации, экономии труда и снижения себестоимости продукции осуществлялось постоянное снижение цен, которые в СССР были самыми низкими в мире. Если к получаемой в то время заработ-

ной плате добавить доходы населения из общественных фондов потребления (бесплатное образование и медицинское обслуживание, низкая плата за жилье, коммунальные, транспортные и многие другие услуги), то в целом уровень оплаты труда не намного отставал от ее уровня в развитых капиталистических странах, живущих в значительной мере за счет ограбления стран третьего мира.

Отсутствие товарного обмена (торговли) между государственными промышленными предприятиями, их положение как составной части единой экономической «фабрики», безналичное обращение их продукции позволяли обходиться без громадной массы всякого рода посредников (дилеров, брокеров, маклеров, служащих многочисленных коммерческих банков и т.п.) и тем самым избежать громадных транзакционных издержек, которые в современных рыночных хозяйствах превышают издержки самого производства. Сэкономленный в этой сфере труд направлялся на расширение образовательной, научной, культурной деятельности. Там, где преодолевался стоимостной обмен, открывалась возможность для обмена деятельностью и продукцией как потребительной стоимостью, удавалось вести экономику по научным соображениям — планировать ее развитие, организовывать пропорциональное, основанное на балансовой системе снабжение отраслей производства, устранять всякого рода неплатежи, неуплаты, невложения.

Можно сказать, что на практике все собственно социалистическое, имевшее место в стране, было осуществлено на базе функционирования потребительностоймостных факторов экономики. Все это не может не входить в уже имеющийся «фонд» теории потребительной стоимости.

Однако эти процессы реальной жизни не были обобщены в виде концепции, равноценной теории стоимости. Они не были поняты с позиции, отличной от стоимостной экономической парадигмы. Многие полагали, что на стоимостной основе можно осуществить не только переход к социализму, но

и построить его. При этом много писали о «непосредственно общественном продукте», «непосредственно общественном труде», «непосредственно общественной собственности», но упускали из виду, что они могут функционировать в таком виде только на основе потребительной стоимости, а не стоимости.

Одновременно не замечали того обстоятельства, что все отрицательное, имевшее место в жизни трудящихся, экономически исходило из отношений стоимости. Для того, чтобы одним людям жить и обогащаться за счет других, властвовать над другими и делать к тому же все это под видом свободного эквивалентного обмена, с позиций равенства (и, конечно, свободы), потребительная стоимость не нужна. Здесь нужна стоимость и заложенные в ней отчуждение труда и его эксплуатация. Продукт труда, приобретая форму стоимости, предполагает, что тем самым в конечном счете сам труд является наемным.

Обывателю на практике так и не удалось разгадать тайну этого общественного иероглифа, т.е. стоимости. В ней видели не абстрактную и всеобщую общественную форму буржуазного способа производства, а скорее общее свойство вещей. Экономисты тоже чаще всего говорили, по выражению К.Маркса, языком товаров: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас же, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. [6]. И теперь не так легко убедить людей в том, что в свойствах золота или алмаза как таковых нет ни атома стоимости.

В то же время не была понята общественная, социальная форма продукта труда как потребительной стоимости, т.е. его форма, существующая вне рыночного обмена. Ее назначение как потребительной стоимости для других (общественной потребительной стоимости) ничего существенного для этого не давало, поскольку такого рода ее «общественность» исходила опять-

таки из предполагаемого стоимостного обмена. О стоящем за ним продукто-обмене, его законах по существу и до сих пор мало что знают. Процессу производства потребительной стоимости тоже не придавалось значения определенности экономической формы. В нем видели лишь абстрактно общие моменты, присущие всякому производству независимо от его общественной формы, не задумываясь над тем, что эта общая форма может стать формой специфического способа производства. Можно было согласиться с К. Марксом в том, что необходимо проводить различия между процессом производства как таковым и процессом создания стоимости, который по отношению к первому приобретает определенность экономической формы. Иначе производство стоимости капитала может быть отождествлено с производством потребительных стоимостей.

Это, однако, вовсе не означает, что процесс производства потребительной стоимости кроме своих всеобщих признаков, присущих производству любого общества, не приобретает каждый раз определенную социально-экономическую потребительную форму, т.е. определенность экономической формы производства не исчерпывается стоимостной формой. В одних условиях определенностью экономической формы производства потребительной стоимости выступает сама его натуральность, в других — отношение между потребительной стоимостью рабочей силы (труда) и капиталом, т.е. потребительная стоимость рабочей силы выступает как источник капитала, в третьих - в виде «экономики для человека». Если же речь идет о производстве, в котором целью является не стоимость, а потребительная стоимость, т.е. о производстве самого человека, то в этом своем качестве само производство потребительной стоимости предстает как определенность особой общественно-экономической формы. Здесь тоже следует различать особенность этой формы и абстрактно общие моменты процесса производства потребительной стоимости, лежащие в основе любой его особой общественной формы. Тогда

общее определение процесса труда в его простых и абстрактных моментах будет совпадать с его определением как процесса созидания потребительной стоимости, и, следовательно, как обмена веществ между человеком и природой, этого вечного условия человеческой жизни.

Труд, следовательно, сохраняет свой двойственный характер (свою абстрактность и специфичность) и как созидатель потребительной стоимости, а не только за этими рамками, при его сопоставлении с меновой стоимостью, как это имеет место в «Капитале» К. Маркса. Деление труда на абстрактный и конкретный, обнаружение его двойственного характера являются, безусловно, важным достижением К. Маркса. Вместе с тем это деление не исчерпывается тем, что абстрактный труд имеет отношение к стоимости и только к ней, а конкретный — только к потребительной стоимости. Труд, производящий потребительную стоимость, тоже имеет свой абстрактный, общественный аспект и свою конкретную сторону.

Чтобы выявить специфику производства потребительной стоимости, вначале нужно сформулировать закон потребительной стоимости в его простом виде, который отражал бы отношение (связь) между трудом и его результатом (продуктом), но был бы противоположностью закону стоимости (последний тоже является законом взаимодействия труда и его результата).

Каким же предстает закон потребительной стоимости?

1. Если законом стоимости выражается связь, идущая от живого труда, взятого в его общественно необходимых затратах, к его результату, овеществленному в стоимости, то закон производства потребительной стоимости, наоборот, устанавливает зависимость затрат живого труда от общественной потребительной стоимости продукта, от потребности в нем. В первом законе стоимость результата определяется общественно необходимым для его производства трудом, т.е. мы исходим из затрат труда. Вторым законом, т.е. законом потребительной стоимости, выражается обратная связь: мы ис-

ходим из потребительной стоимости продукта и идем в обратном направлении — к созидающему ее труду, чтобы определить сколько нужно затратить труда для получения потребительной стоимости и удовлетворения данных потребности в ней. По закону стоимости этого нельзя сделать, ибо в нем трудом обуславливается лишь стоимость продукта, сама же «стоимость» труда, его величина остаются необъясненными. Труд, его затраты в рамках закона стоимости не приобретают своей причинной обусловленности со стороны их продукта, и поэтому мы лишены возможности определить величину труда, что, безусловно, свидетельствует об ограниченности классической стоимостной теории и соответствующей ей практики. Из их критики выросло кейнсианство с его теорией определения объема занятости. В законе потребительной стоимости преодолеваются эти ограниченности, он является законом, по которому общество определяет, сколько необходимо трудиться, уделять времени материальному производству, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности.

Ввести этот закон в экономическую науку, даже в его исходной общей форме, не так-то легко. Кажется чем-то самим собой разумеющимся определить действие закона потребительной стоимости через отношение полезности продукта к овеществленному в нем труду. Но как только трактовка данного закона переводится в эту плоскость, так мы неизбежно встаем на путь, который ведет к закону стоимости. Вековое господство стоимости всякому взаимодействию труда и его результата, даже если результат берется как потребительная стоимость, заставляет придать продукту стоимостной характер, рассматривать его в рамках теории стоимости и ее законов. Конечно, производство потребительной стоимости (как и стоимости) требует определенного, причем необходимого для удовлетворения данной потребности количества затрат труда. Но если потребительную стоимость (полезность) результата хотя бы определить через эти необходимые (предельные, оптимальные, диффе-

ренциальные и т.п.) затраты, а не наоборот, то законы движения потребительной стоимости оказываются частным случаем (или дополнением) законов стоимости.

Этого, к сожалению, не избежал и В.В. Новожилов при анализе затрат и результатов труда. Он полагал, что общественные затраты труда и времени, необходимые по условиям потребления, а также соответствующие суждения К. Маркса об этом новом смысле общественно необходимого рабочего времени, свидетельствуют лишь о более развитом выражении закона стоимости, учитывающем не только условия ее производства, но и условия ее реализации в потреблении, т.е. если товар не покупается, то затраченный на него труд перестает быть необходимым. Вследствие этого, по мнению В.В.Новожилова, соответствие производства потребностям, а также труда, необходимого по условиям потребления (реализации стоимости), труду необходимому по условиям производства стоимости, осуществляется на основе затраченного труда. Все потребительские оценки как средств производства, так и предметов потребления должны быть выражены в той же единице, в какой измеряются затраты общественного труда. [7].

В таком случае измерение осуществляется по закону стоимости, и речь идет лишь о том, чтобы учесть зависимость меновой стоимости от потребительной стоимости, т.е. о том обстоятельстве, что потребительная стоимость есть предпосылка меновой стоимости, без первой нет и второй. По этой причине приходится обращаться к услугам потребительной стоимости как предпосылке меновой стоимости и на этой основе считать необходимыми лишь те затраты на производство товаров, которые покупаются и потребляются. Затраты здесь ставятся в зависимость от платежеспособного спроса, от товаропотребителей, что не выходит за рамки стоимостного отношения.

В рамках же закона потребительной стоимости необходимый труд и необходимое рабочее время приобретают совсем иной, противоположный

смысл: они становятся необходимыми по требованиям удовлетворения потребностей в данных потребительных стоимостях. Необходимый труд, взятый в этом смысле, не имеет отношения к меновой стоимости, не является ее эквивалентом. В законе потребительной стоимости предпосылкой в движении последней выступают не затраты труда на ее создание, не ее обусловленность этими затратами, а наоборот, обусловленность затрат труда потребительной стоимостью продукта и стоящими за ней потребностями общества.

Величина и пределы затрат труда в этом случае обуславливаются потребностями, а время труда, оставаясь полюсом данного экономического отношения, приобретает принципиально иное значение. Когда говорится о необходимом рабочем времени общества в смысле того времени, которое нужно обществу израсходовать для удовлетворения данных потребностей, то это время не выступает мерой стоимости продукта. Такого рода необходимый труд имеет отношение к потребительной, а не к меновой стоимости. [8]. Здесь имеется в виду не то рабочее время, которое необходимо для того, чтобы создать ту или иную стоимость, в том числе стоимость суммы благ, необходимых рабочему для своего существования и для воспроизводства своей рабочей силы. Речь идет об относительной необходимости потребностей, удовлетворяемых продуктами тех или иных видов труда, например, об удовлетворении потребностей в питании посредством земледельческого труда, который в этом отношении является самым необходимым.

В общем же виде такого рода необходимое рабочее время определяется и многими другими обстоятельствами, связанными с потребительной стоимостью, ее потреблением и потребностями людей. Нужно указать прежде всего на то, что именно потребительная стоимость жизненных средств работника диктует, сколько нужно затратить труда и времени на их производство. (Если эти затраты определять стоимостью жизненных средств, то мы оказываемся в порочном кругу: трудом определяется их стоимость, их стои-

мостью — труд). Рабочее время и количество производительного труда, необходимые для жизни общества, зависят от количества нуждающихся в средствах существования людей, т.е. от общего количества потребителей и потребительских «корзин», от потребительской силы общества. Объем необходимого рабочего времени, в свою очередь, находится в зависимости от другого потребительностоимостного фактора — производительной силы общества. Последняя во многом предопределяет численность занятых производительным трудом, и, следовательно, общий объем необходимого рабочего времени данного общества.

Зависимость затрат труда и рабочего времени от потребностей общества и от необходимых для этого потребительных стоимостей, существующих в виде средств для жизни и средств для труда, очевидна. Возникает, однако, вопрос, не будут ли эти затраты, взятые по отношению к потребительной стоимости, ее мерой, измерением, т.е. нельзя ли потребительную стоимость измерять этим же затраченным трудом (как и стоимость), но с той лишь разницей, что он затрачен по условиям потребления, а не производства. Если воспользоваться примером К Маркса относительно того, что Робинзон на своем острове распределял свое рабочее время и свои трудовые функции согласно полезным эффектам предметов потребления, то нельзя ли такое распределение рабочего времени (в зависимости от потребительной стоимости продукта) считать отношением, в котором «уже заключаются все существенные определения стоимости». [9].

Такое утверждение будет неправильным, ибо оно сводит потребительную стоимость к стоимости и возвращает к закону стоимости. Однако это не значит, что эти два закона нигде не пересекаются, что закон потребительной стоимости в его снятом виде не содержит в себе отрицаемое стоимостное отношение продукта к созидающему его труду, и, наоборот, требование потребительной стоимости затрачивать труд, необходимый лишь по це-

лям потребления (лишнее, не потребленное пропадает), не учитывается в законе стоимости. К тому же оба закона имеют общее основание — труд.

2. Поскольку потребительная стоимость продукта нуждается для своего производства в необходимом для этого рабочем времени, то между нею и трудом складывается определенное экономическое отношение, обладающее своими специфическими качествами и количественными характеристиками. Прежде всего они касаются отношения соответствия или несоответствия (пропорциональности или непропорциональности) между потребительной стоимостью и трудом, их равенства или неравенства (в том числе, равен ли труд по условиям создания потребительной стоимости труду по условиям создания меновой стоимости). Ставя вопрос таким образом и решая его, мы тем самым переходим к новой характеристике движения потребительной стоимости: к его обсужденной выше стороне, выражающей направленность отношения между потребительной стоимостью и трудом, теперь добавляем характеристику их взаимодействия в плане их пропорциональности, соответствия друг другу.

В целом это второе определение закона или второй закон потребительной стоимости касается общих рамок соотношения производства и потребления и обусловленных ими частных форм их взаимодействия, например, спроса и предложения, взятых в плоскости производства и обмена потребительных, а не меновых стоимостей. Поскольку производство и потребление в этом аспекте должны в конечном счете совпадать (соответствовать друг другу), то закон потребительной стоимости выступает как отношение пропорциональности между различными массами потребительных стоимостей и соответствующих им потребностей, с одной стороны, и различными и количественно определенными массами совокупного общественного труда. В своем потребительностоймостном определении труд распределяется (разде-

ляется) в соответствии с различными потребностями общества в разного рода потребительских благах.

В этом разделении труда обнаруживается закон потребительной стоимости, который как основание в определенных исторических условиях реализуется в форме отношений меновой стоимости. Когда, например, промышленный и земледельческий труд внутри общества распределяется пропорционально потребностям в соответствующем роде продуктов, то их обмен осуществляется по их стоимостям (или по ценам производства). В этом случае необходимый труд по условиям производства потребительной стоимости совпадает с необходимым трудом по условиям производства стоимости, т.е. предполагается, что труда употреблено лишь необходимое, пропорциональное количество. Если же продукта того или иного рода производится больше, чем это нужно для удовлетворения потребностей в этом продукте, то часть продукта будет излишней, бесполезной, а соответствующий труд уже не будет необходимым. Потребительная стоимость здесь обнаруживает себя как предпосылка меновой стоимости: потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли в соответствии с этой общественной количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства. Именно общественная потребность, т.е. потребительная стоимость в общественном масштабе, определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. [10].

Совпадение требований этих двух законов (закона потребительной стоимости и закона стоимости) в одном из пунктов взаимодействия труда и его продукта нередко служит поводом для их отождествления или, точнее, для определения стоимости через потребительную стоимость и наоборот. Поскольку, мол, для удовлетворения определенной общественной потребности требуется определенное, необходимое количество труда, то такого рода пропорциональность и есть эквивалентность необходимого труда и стоимости. Соответственно труд, затраченный по условиям потребления (производства потребительной стоимости), должен быть, якобы, равным труду по условиям производства меновой стоимости.

Это далеко не так. Ограничение стоимости ее предпосылкой — потребительной стоимостью (весь продукт удается продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции с потребностями), хотя и выражает более развитую форму закона стоимости (применительно ко всей массе товаров, а не просто к отдельному товару), вовсе не означает, что соответствие производства потребностям осуществляется при равенстве потребительной стоимости (и потребительских оценок) затратам труда в рамках закона стоимости (более развитого его выражения). Частный случай совпадения нельзя возводить в принцип, т.е., в конечном счете, в равенство потребительской стоимости и стоимости. Если бы это было так, то мы оказались бы безоружными в решении многих принципиальных вопросов экономической науки, не смогли бы объяснить главное, — как возможны получение прибавочной стоимости и вообще превосходство результата над затратами, что имеет прямое отношение к категории полезности по ее определению.

В самом деле, допустим, что потребительная стоимость пропорциональна, равна затратам труда, необходимым для ее производства. Тогда потребительная стоимость рабочей силы (труда) будет эквивалентна (равна) обмениваемым на нее затратам труда (стоимости жизненных средств), необ-

ходимым для ее воспроизводства, а объяснение прибавочной стоимости вообще становится невозможным. Это касается не только потребительной стоимости рабочей силы, но всех других факторов производства. Если, например, потребительная стоимость техники была бы эквивалентна затратам труда на ее производство, то ее полезный эффект равнялся бы нулю и в производстве не было бы смысла пользоваться техникой.

3. Невозможность объяснения такого рода явлений в рамках закона стоимости и трудовой теории стоимости заставляет обращаться еще к одному определению закона потребительной стоимости, в определенной мере снимающему его второе определение — не только стоимостной, но и потребительно-стоимостной пропорциональности (хотя производство и потребление в конечном счете должны соответствовать друг другу). В этом отношении законы движения потребительной стоимости составляют противоположность законам стоимости, являются отрицанием последних.

Если закон стоимости зиждется на принципе эквивалентности общественно необходимых затрат и стоимости товара, то закон потребительной стоимости в своем сущностном определении базируется на противоположном принципе — труд по условиям производства потребительной стоимости не равен, не эквивалентен не только труду по производству стоимости, но и по созданию потребительной стоимости. Казалось бы, например, что вне эквивалентности затрат и результата, содержащейся в законе стоимости, не мыслимо соответствие между производством и потреблением. Однако это не так. Закон стоимости на самом деле не предполагает такого соответствия, ибо движение стоимости находится в отношениях обратной пропорциональности как с ростом производительности труда, так и с возвышением потребностей. И, наоборот, соответствие производства и потребления достигается тогда, когда потребительная стоимость продукта превышает затраты труда на его производство. Этого рода диспропорция как раз и обеспечивает пропорцио-

нальность производства и потребления, поскольку здесь осуществляется возвышение потребностей при минимизации трудовых затрат.

Этот принцип — главное в определении закона потребительной стоимости, ибо им объясняется все то, что не подпадает под объяснительную силу закона стоимости, например, понимание того, почему при эквивалентном обмене на жизненные средства рабочая сила производит прибавочную (дополнительную) стоимость. Превосходство результатов труда по своей полезности (потребительной стоимости) над затратами труда на его достижение составляет, по нашему глубокому убеждению, смысл и назначение человеческой деятельности и всего развития общества. Вследствие этого объяснению того, как, по каким законам происходит прирост потребительной стоимости (полезности), нужно уделить особое внимание.

До сих пор мы ограничивались довольно абстрактными и простыми определениями закона потребительной стоимости: объяснением зависимости величины затрат труда от потребительной стоимости продукта и их пропорциональности по условиям потребления. Речь не шла о возрастании, увеличении, или о получении прибавочной (дополнительной) потребительной стоимости продукта. Для решения этих вопросов требуется более глубокое, сущностное определение самой потребительной стоимости, позволяющее понять ее динамику, изменение степени полезного эффекта блага. Подобно тому как для объяснения самовозрастания стоимости (производства прибавочной стоимости) недостаточны законы простого товарного хозяйства, так и для понимания процесса увеличения потребительной стоимости факторов и продукта производства нельзя ограничиваться знаниями того, что полезность продукта и потребность в нем обуславливают время, необходимое для его производства, и что время и труд должны распределяться пропорционально потребностям в определенной массе потребительных стоимостей. Необходи-

мо еще знать закон, согласно которому прирастает потребительная стоимость факторов производства в процессе их производительного потребления.

Прежде чем приступить к анализу этого закона, надобно предварительно определить потребительную стоимость основных факторов производства — средств производства и рабочей силы с точки зрения их участия в увеличении потребительной стоимости результата производства, в создании новой производительной и потребительной силы общества.

Что касается потребительной стоимости материальных средств производства, полученной ими ранее в качестве продуктов производства, то она, реализуясь в производственном потреблении, сводится в конечном счете к замещению ими живого человеческого труда, к его высвобождению и, следовательно, — к повышению производительной силы функционирующего труда. Конечно, это не исключает характеристики средств производства или производительных благ с точки зрения их служения удовлетворению человеческих потребностей, а также определения их ценности через ценность создаваемого при их помощи продукта, в частности заключительного, конечного продукта, удовлетворяющего непосредственно человеческие потребности. [11].

Проблема заключается в том, как определить полезность (ценность) самого этого конечного продукта, что взять для его оценки вместо субъективного критерия полезности. Трудовая теория потребительной стоимости предлагает для этого вполне объективный критерий — замещение, высвобождение средствами производства живого человеческого труда, усиление его производительности. Потребительная стоимость машины, по утверждению К. Маркса, - это замещение ею труда. Прошлый труд, овеществленный в виде потребительной стоимости средств производства, в этом случае выступает как средство высвобождения живого труда или уменьшения численности рабочих. [12]. При этом высвобождаемого труда должно быть больше, чем бы-

ло затрачено его на создание данных средств производства, на достижение данной экономии труда. Затраты же абстрактного труда (издержки производства), образующие стоимость, составляют некую антиполезность и должны вычитаться из полезного действия средств производства, из их потребительской стоимости.* В итоге разность между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности средств производства, их потребительскую стоимость, реализуемую в процессе их производительного потребления. Подробный анализ потребительской стоимости техники в этом плане дан в работах: В.Г. Долгов. Управление научно-техническим прогрессом: потребительственностоимостные основы (Л., 1988) и Н.Ф.Дюдяев. Промышленные роботы и экономия живого труда. (Саранск, 1991).

Потребительская стоимость другого основного фактора производства — рабочей силы, реализуясь в процессе живого труда, тоже сводится к избытку того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем его количеством, которое затрачено на ее воспроизводство. Когда эти затраты реализуются в стоимости рабочей силы, то этот избыток принимает форму дополнительной продолжительности рабочего времени (прибавочного рабочего времени и прибавочного труда), превышающего необходимое рабочее время, затраченное на воспроизводство самой рабочей силы. Затраченный прошлый труд, который заключен в рабочей силе, и тот живой труд, который ею выполняется, — это две совершенно различные величины. Первая определяет величину меновой стоимости рабочей силы, вторая — ее потребительской стоимости.

Потребление рабочей силы (ее использование как потребительской стоимости) доставляет больше труда, воплощается в большем количестве овеществленного труда, чем содержится в ней самой как меновой стоимости. Потребительская стоимость рабочей силы определяется не тем рабочим вре-

* “Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к ее производительности” / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 198.

менем, которое необходимо для того, чтобы сохранить и воспроизвести эту силу, а тем, в течение которого она используется в труде, например, одним рабочим днем, а меновая стоимость — только половиной рабочего дня. С этой точки зрения, меновая стоимость рабочей силы, равная необходимому для ее воспроизводства рабочему времени, будет минусом по отношению к ее потребительной стоимости. Это, однако, не означает, что дополнительная стоимость, создаваемая сверх стоимости жизненных средств работника, является результатом производительности его труда. Новая стоимость добавляется исключительно за счет продолжительности рабочего времени, добавлением дополнительного количества рабочего времени, а не за счет потребительной стоимости труда, ее возросшей производительной силы, которая в общем случае уменьшает стоимость продукта. Прибавочная стоимость может возникнуть только в том случае, если рабочая сила применяется в течение большего количества рабочего времени, чем время, которое было затрачено на ее воспроизводство.

В противоположность этому возрастание потребительной стоимости рабочей силы зависит в первую очередь от производительности и качества рабочей силы. Здесь продолжительность рабочего времени теряет свое ведущее значение. При всех состояниях общества, где господствует потребительная стоимость, рабочее время является более или менее безразличным, коль скоро оно удлиняется лишь для того, чтобы помимо жизненных средств для самих работников доставить господам какое-либо патриархальное богатство, определенную массу потребительных стоимостей [13]. Наоборот, чем меньше времени тратится на воспроизводство той же самой потребительной стоимости, тем полезнее, производительнее рабочая сила, тем выше ее потребительная стоимость.

В общеэкономическом смысле, тождественном потребительностоимостному подходу, прирост потребительной стоимости рабочей силы обнару-

живается в том факте, что работник производит больше, чем потребляет, что из производства выходит большее количество потребительной стоимости, чем в нем потребляется. Что же касается избытка труда, доставляемого рабочей силой, над затратами ее собственного воспроизводства, это достигается тем, что потребительная стоимость рабочей силы увеличивается за счет использования потребительной стоимости материальных средств производства и природных сил, с одной стороны, и умножением собственной производительной субъективной силы работника посредством потребления им материальных и духовных благ в процессе воспроизводства своей рабочей силы, с другой за счет этого происходит замещение, высвобождение малоквалифицированного простого труда высококвалифицированным, сложным трудом, сопровождающимся уменьшением общего количества труда, поскольку большее количество простого труда равняется меньшему количеству сложного. Труд, высвобожденный в результате внедрения более квалифицированного труда, будет большим, чем затраты на подготовку квалифицированных работников.

Таким образом, потребительная стоимость рабочей силы может быть выражена: а) отношением всего количества функционирующего труда к его части, затрачиваемой на собственное воспроизводство рабочей силы; б) отношением высвобождаемого труда (более простого) к затратам на подготовку квалифицированного труда, замещающего простой труд. Что касается затрат на приобретение жизненных средств и их потребление, то они не имеют прямого отношения к процессу самого труда, являются его внешним условием и не входят в него, а если и входят (работник должен принимать пищу во время труда), то лишь как материал для поддержания дееспособности работника. Однако это не значит, что за пределами процесса труда отпадает вопрос о потребительной стоимости жизненных средств. Здесь мы можем лишь предварительно сказать, что потребительная стоимость предметов потребления в

конечном счете реализуется тоже в высвобождении труда, достигаемого за счет замещения сложным трудом более простого труда, но это касается уже потребительного производства, в котором осуществляется воспроизводство человека и общества. В нем потребительная стоимость предметов потребления оказывается лишь моментом, а конечным результатом выступает уже не продукт производства, а сам человек и само общество. Закон потребительной стоимости, соответственно, приобретает форму социологического закона.

По отношению же к продукту производства потребительная стоимость средств производства и рабочей силы реализуется в более высокой потребительной стоимости самого продукта, которая, однако выявляется в процессе его производительного потребления в виде новых материальных средств (техники), с одной стороны, и жизненных средств, потребляемых рабочей силой, с другой. Продукт, вступая в качестве средств труда в новый процесс труда, утрачивает свой характер продукта и становится «жизненным» средством труда.

Из анализа потребительной стоимости продуктов труда, реализуемой в их потреблении как факторов производства, средств труда и рабочей силы, следует, что их потребительная стоимость может быть сведена к одной и той же основе — высвобождаемому, незатраченному труду, взятому в соотношении с затраченным трудом. Эта общая основа делает потребительные стоимости соизмеримыми. Тем самым получает решение одна из серьезнейших проблем экономической науки — соизмерение потребительных стоимостей, причем оно осуществляется на объективной, трудовой основе — посредством единицы высвобождаемого, сэкономленного труда. (О том, как на этой основе измеряется и соизмеряется потребительная стоимость материальных средств производства (техники), можно узнать из монографии В.Г. Долгова «Управление научно-техническим прогрессом : потребительностоимостные основы» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1988). Сравнительный анализ и соизмерение потребитель-

ной стоимости робототехники и рабочей силы с использованием математического аппарата маржинализма содержится в монографии Н.Ф. Дюдяева «Промышленные роботы и экономия живого труда: потребительственно-стоимостной анализ». (Саранск. Изд-во Мордовского ун-та, 1991). Отпадает, следовательно, тезис о несоизмеримости разнородных потребительных стоимостей, о том, что они могут соизмеряться только косвенно, через затраты труда (стоимость), хотя и учитывающие условия потребления.

Итак, закон потребительной стоимости в его сущностном виде выражает экономическую связь между трудом, высвобожденным в результате реализации конкретного труда в полезных свойствах продукта при его потреблении, и трудом, затрачиваемым на производство этого продукта. Полезные свойства продукта, его потребительная стоимость в данном случае заключаются в совокупной величине замещенного, сэкономленного труда, полученного при его использовании в качестве средств производства. На той и другой стороне отношения выступает труд, составляющий общую платформу для их взаимодействия и соизмерения: труд выполняет свое назначение создателя продукта в качестве конкретного труда, причем в количестве, определяемом объемом потребности в этом продукте. Закон, таким образом, выражает условия и предпосылки движения труда как источника потребительно-стоимостного богатства, а вовсе не изменение натуральных свойств продукта или движение потребительной стоимости как носителя меновой стоимости, ибо в таком смысле потребительная стоимость относится к товароведению.

Сферой действия закона производства потребительной стоимости остается труд, рассматриваемый в качестве источника материального богатства. Теория закона исходит из решающей роли труда и с этой точки зрения методологическим принципом исследования движения потребительной стоимости продукта труда выступает трудовая концепция. Сохраняет силу и отношение произведенного полезного результата к источнику своего происхождения —

реальному труду и к его естественной мере — рабочему времени. Дело лишь в том, что это время перестает служить измерителем потребительной стоимости. Им выступает уже не затраченное, а высвобожденное время. В этом суть решения проблемы. Поиски единицы (предела) полезности наподобие особому весу самой тяжести или особой температуре самой теплоты не могли увенчаться успехом, ибо в такой постановке эта проблема не разрешима. Между тем, закон потребительной стоимости имеет не менее четкую количественную определенность, чем закон стоимости. Потребительная стоимость любого продукта труда может быть сведена к одинаковой основе — высвобождаемому благодаря его полезности живому труду, а единица этого сэкономленного труда может служить не менее добротной мерой потребительных стоимостей, чем единица затраченного, овеществленного в них общественно-го труда для измерения стоимостей. Надо лишь иметь в виду, что экономия труда в роли полезного эффекта не имеет затратного характера, а потому единицей его измерения служит высвобождаемый труд, соизмеряемый с затратами труда на достижение указанного полезного эффекта.

Величина потребительной стоимости продукта, соответственно, определяется экономией общественного труда, рассчитываемой как разность между количеством высвобожденного живого труда и объемом труда, затраченного на достижение данного полезного эффекта. Как в первом, так и во втором случае речь идет о труде, выраженном одной и той же мерой (временем), что создает общее основание для их соизмерения. Сведенные к нему различные потребительные стоимости становятся количественно сравнимыми. Их нельзя выразить количеством воплощенного в них труда. К ним применяется другое мерило, которое лежит вне природы продукта как меновой стоимости. «В качестве потребительной стоимости, — отмечал К. Маркс, — предложение вовсе не измеряется овеществленным в нем рабочим временем,

а к нему применяется такое мерило, которое лежит вне его природы как меновой стоимости». [14].

Этой мерой, не обнаруживаемой в рамках отношений меновой стоимости и стоимостной формулы, является, повторяем, сэкономленный, неза-
траченный труд, т.е. совсем не тот труд, который овеществляется в продукте, затрачивается на его производство. Общественно необходимые затраты труда из доминанты превращаются в условия производства потребительной стоимости. Если в законе стоимости потребительная стоимость продукта выступает в роли ограничителя стоимости, то в законе потребительной стоимости такую роль уже выполняют затраты рабочего времени. Они, не теряя своей функции созидающей продукт субстанции, тем не менее не могут уже составлять меру его потребительной стоимости. Высвобождаемый последней труд должен быть больше затрачиваемого. Нарушается, следовательно стоимостное равенство. Вместо него принципом хозяйствования становится другое правило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления. Соответственно, на практике мы должны вести хозяйство так, чтобы результаты производства росли быстрее, чем затраты, чтобы наращивание вклада в удовлетворение потребностей происходило при наименьших затратах всех видов ресурсов. Такая практика подчиняется закону потребительной стоимости.

Обсужденный выше закон потребительной стоимости выражает предпосылки результаты движения потребительной стоимости с общей, сущностной стороны. Сущность же, как известно, выступает в формах своих проявлений, которые могут не только не совпадать с сущностью, но и скрывать ее, и даже исказить. В своем действительном функционировании закон потребительной стоимости тоже облекается в конкретные формы, далеко не совпадающие с его абстрактно общим определением. Причем эти его формы более известны, чем сущность.

Наиболее адекватной формой движения потребительной стоимости в сфере ее производства является экономия труда, выраженная в соответствующем законе. Высвобождаемый труд, проистекающий из повышения потребительной стоимости факторов производства, необходимо предполагает соответствующую экономию применяемого, затрачиваемого труда, в которой в известной мере проявляется закон потребительной стоимости, хотя и в достаточно модифицированном виде.

В этом случае экономия труда, вызываемая возвышением потребительной стоимости, может выступать, во-первых, лишь как экономия затрачиваемого необходимого рабочего времени, реализующаяся в соответствующем увеличении затрат прибавочного труда. Экономия на труде здесь осуществляется за счет рабочего, а не в его пользу. Во-вторых, экономия принимает форму экономии прошлого труда, т.е. экономии на применении средств производства, сбережения соответствующих затрат с тем, чтобы присвоить большее количество прибавочного труда. И только в третьем случае экономия выступает экономией всего живого труда, что соответствует требованиям закона потребительной стоимости.

В действительности экономия на средствах производства возникает из их функционирования не как стоимостных, а как потребительностоимостных факторов, т.е. как производительных сил. В той мере, в какой средства производства входят в процесс производства и функционируют в нем, они выполняют эту свою роль исключительно со стороны своей потребительной, а не меновой стоимости. Та помощь, которую машины оказывают рабочим, зависит не от стоимости, а от потребительной стоимости машин. Точно так же то количество труда, которое способен впитать предмет труда (сырой материал), зависит не от его стоимости, а от его количества, если не изменяется производительность труда. [15].

Экономия, возникающая из концентрации средств производства и применения в массовом масштабе, своим источником опять-таки имеет потребительностоимостные условия, поскольку средства производства функционируют в условиях общественного, общественно-комбинированного труда.

Закон экономии труда в рамках отношений стоимости не выявляет своей настоящей, потребительностоимостной сущности. Наоборот, экономия труда предстает как экономия прошлого (овеществленного) труда, т.е. стоимости, что может дать повод считать источником прибавочной стоимости не дополнительное количество живого прибавочного труда, увеличивающегося за счет сокращения необходимого труда, а экономию на самой стоимости (прошлого, овеществленного труда), что противоречит самому понятию экономии. Между тем, в последнее время участились попытки представить закон стоимости конкретизацией закона экономии труда и производительности труда.

Действительная экономия имеет отношение к движению потребительной стоимости, к ее повышению. Когда К. Маркс писал о том, что всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени и что экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства и даже законом в гораздо более высокой степени, то он имел в виду не экономию того рабочего времени, которым измеряется меновая стоимость. Он специально подчеркивал, что мера указанной экономии времени «существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем». [16]. Этим пояснением сформулированного закона К. Маркс отчетливо противопоставляет его закону стоимости, на основе которого нельзя измерить экономию времени, возникающую из повышения потребительной стоимости.

Это обстоятельство следует учитывать и при характеристике другой существенной формы проявления сущности движения потребительной стоимости — закона возвышения производительности труда. Известно, что производительность труда характеризует конкретный труд, производящий потребительную стоимость. По этой причине повышение производительности труда в его собственном смысле состоит в том, что доля живого труда, заключающегося в его продукте, уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда уменьшается, следовательно, количество живого труда сокращается больше, чем увеличивается объем прошлого труда.

Повышение производительности труда — противоположный (минусовый) по отношению к стоимости результат, оно уменьшает последнюю. Все надбавки к стоимости не могут превысить ее понижение, вытекающее из уменьшения живого труда, и, следовательно, понижение стоимости не может считаться экономией, если на оплачиваемой части живого труда не сберегается больше, чем прибавляется прошлого труда. Поскольку производительность труда касается потребительностоймостной сущности труда, то ее по существу нельзя определять и измерять посредством стоимостных категорий, а потому неуместно было бы утверждение о том, что в экономии труда как показателе его производительности должны суммироваться живой и прошлый (овеществленный) труд, что для этого недостаточно величины экономии живого труда. Прошлый труд, поскольку он уже затрачен, овеществлен, не может быть причислен к сэкономленному труду. Экономия же в применении средств производства может обнаруживать себя лишь в росте несовершенного, неовеществленного рабочего времени, к чему и сводится суть всякой экономии. Прошлый же труд оказывается на стороне затраченного, а не сэкономленного труда. Сэкономленный труд в этом случае будет на стороне

результата, он не суммируется с затраченным трудом, а наоборот, из него вычитается последний.

С этой точки зрения не может быть признано достаточно адекватным закону потребительной стоимости определение производительности труда через отношение измеренной в натуральных единицах потребительной стоимости к затратам труда на ее производство. Когда в результатах оказываются вместо величины высвобождаемого труда тонны, метры, объемы и т.д. продукции, которые сопоставляются с затраченным на их производство трудом, то мы неизбежно переводим измерение потребительных стоимостей в плоскость затрат рабочего времени, т.е. измеряем их меновой стоимостью. Такой подход не освобождает нас от смешения результатов с затратами (об этом справедливо предупреждал нас В.В. Новожилов), не выводит к оценке производительности труда через его результат, а сводит эту оценку к затратам. Конечно, для этого надо знать, каких затрат стоит производство результата, но этого недостаточно. Надо еще знать, каким является сам результат труда. Без этого производительность труда оказывается стоимостью его затрат.

Безусловно, этот результат будет представлять собой разность между тем, что труд дает и тем, что он берет, т.е. выступает как приращение массы потребительных стоимостей. Но в натуральных единицах эту разность, по мнению В.В. Новожилова, нельзя измерить из-за разнородности потребительных стоимостей и затраченных на них средств производства. Ее, утверждает он, можно измерить лишь косвенно, в единицах стоимости или в единицах затрат труда. Нужно лишь, чтобы при измерении производительности труда это косвенное измерение отражало «физический объем» произведенного приращения потребительных стоимостей. [17].

Чтобы отказаться от услуг стоимости при определении производительности труда, как раз и нужно представить результат труда как высвобождаемый труд, и на этой основе преодолеть постулируемую несоизмеримость

потребительных стоимостей как между собой, так и с затраченным на их производство трудом. Этому собственно потребительностоимостному требованию более всего отвечает измерение общественной производительности труда (производительной силы общества) посредством величины сэкономленного, незатраченного в производстве труда благодаря использованию потребительной стоимости различных факторов производства.

Функционирование производительных сил на основе потребительной стоимости, их подчинение производству и воспроизводству человека нуждается в адекватной форме производственных отношений — в отношениях общественной собственности.

2. К собственности всех и каждого

По какому пути пойдет Россия — установится ли в ней господство частной собственности или, наоборот, господствующей вновь станет общественная собственность? Или же эти формы собственности, как думали «теоретики социализма» перестроечного периода, должны совмещаться: социализм соединяется с товарным производством, плановое ведение народного хозяйства — со свободным рынком и т.д. На практике, и это теперь стало очевидно, сочетания названных противоположностей не произошло. Социалистические начала были разрушены благодаря широкому внедрению товарно-денежных механизмов во взаимоотношения между предприятиями, переводу их деятельности, особенно начиная с экономической реформы 1965 г., на показатели прибыли. В итоге рынок вытеснил план, частная собственность — общественную.

Можно ли после всего этого надеяться на возможность возвращения на путь социалистического развития посредством многоукладности в экономике и плюрализма в области собственности, сочетания ее общественных и частных форм в условиях сохранения товарного производства. Или же следу-

ет согласиться с К. Марксом: «Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развивалась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо.» [18].

Вопрос о собственности остается главной проблемой. Вокруг него ныне сосредоточивается острая практическая и идейная борьба. Индивидуальность и частная собственность объявляются гарантом прав и свобод личности. Во имя их защиты многие современные философы и социальные антропологи отказывают обществу и, соответственно, общей собственности в праве на реальное существование. По их мнению, реальным и самодостаточным бытием обладает только индивид как частный собственник.

Чтобы человек не претендовал на общественную собственность, его лишают общественной сущности. В.С.Барулин (а раньше — М.С.Каган и др.), например, обрушивается на определение К. Марксом сущности человека как совокупности общественных отношений, полагая, что подобная трактовка привела к расхождению между основным направлением мировой социально-философской мысли и философией марксизма и “идеально соответствовала определенному политическому режиму, именуемому “социализмом», и подпитывалась им.» [19].

По его мнению, что, по-видимому, соответствует основному направлению мировой социально-философской мысли, “определяющая роль человека в обществе абсолютна и принадлежит к числу его фундаментальных качеств.» [20]. Поэтому сущность человека не должна выводиться за пределы его личности и переноситься во вне — в общество. Такой выход к обществу, которое, как известно, является полем для социального развития личности, вроде бы “пахнет» социализмом, ибо последний, по своему определению, служит утверждению общественных, социальных качеств человека, того фундаментального положения, согласно которому только в обществе воз-

можно свободное и полное развитие личности человека. Чтобы не попасть в объятия социалистов, достаточно вроде бы самого индивида принять за сущность общества и общественных отношений. Во имя этого можно отказаться и от прежних симпатий к диалектике. Неважно, например, что согласно диалектике принцип бытия всех единичных явлений составляет общее, что оно укоренено в единичном как сущность, что, следовательно, и отдельный человек имеет своей сущностью не самого себя, а общественные отношения, что по своей сущности он — существо общественное. Все это, по мнению названных авторов, уже не соответствует действительности.

В то же время общество у них лишается статуса реального образования, своей субстанциональности по отношению к составляющим его индивидам. Вполне очевидно, что и общественная, общая собственность в этом случае теряет всякие основания для своего объективного существования, она становится бессмысленной. Полагают, что если под общественной собственностью понимать право каждого индивида на общественное богатство, например, на землю как общее достояние, то каждый в качестве собственника исключает всех других и общественная собственность становится невозможной. Если же отдельный человек претендует на часть общего достояния, то он становится частным собственником. Соответственно, из конституций выбрасывается право народа относиться к земле, к крупным средствам производства как к общей (общенародной) собственности. Одновременно охотно признается ничем не ограниченное право индивида на частную собственность. Она, в отличие от собственности народа, охраняется законом.

В общем и целом невозможность общественной собственности доказывается тем, что она якобы несовместима с наличием собственности у отдельного индивида. Этот аргумент несостоятелен, ибо общее в его диалектическом понимании не только не исключает единичное, но и необходимо предполагает его, существует в нем. Их нельзя рассматривать только в каче-

стве противоположных сущностей, исключаящих друг друга. Собственность не исчерпывает себя лишь своей частной формой, блага бывают не только частными, но и общественными. В современной экономической науке общественными признаются те блага, использование которых одним человеком не исключает их потребления и присвоения другими людьми, т.е. они обладают свойством неисключаемости.

Нужно, однако, сказать, что и отдельный индивид с его частной собственностью, взятый в виде абсолюта, самостоятельной, обособленной от общества сущности, теряет оправдание своего существования, свою действительность. Достаточно напомнить, что обещание приватизаторов сделать каждого частным собственником не имело под собой никакого реального основания и не могло осуществиться. Все члены общества, получив ваучеры, не могли стать частными собственниками главных условий своего труда и воспроизводства своей жизни — земли и средств производства. Если бы это случилось, то большинству трудящихся как частным собственникам объективных условий производства не нужно было бы ни продавать свою рабочую силу, ни быть наемными работниками.

Приватизация может позволить лишь некоторым гражданам стать мелкими товаропроизводителями (фермерами или ремесленниками). Все члены общества таковыми тоже быть не могут, ибо тогда некому будет работать на фабриках и заводах. Большинство же народа лишается собственности на средства производства, для него она сводится к собственности лишь на свою рабочую силу, на свою способность к труду и на жизненные средства, получаемые от продажи своей рабочей силы или других своих природных сил и способностей (своего тела, волос или других частей организма). Подобно тому как римляне, потерявшие собственность на землю, обусловленную их принадлежностью к гражданам Римской Империи, оказались прива-

тизированными (*privati*), т.е. ограбленными, лишенными собственности* , так и граждане России, переставшие быть носителями общенародной, государственной собственности, превратились в лиц, лишенных собственности на средства производства и землю, т.е. приватизированными.

Итак, из сказанного выше следует, что ни общество и общественная собственность, с одной стороны, ни индивид и частная собственность, с другой стороны, — не могут быть признаны одновременно действительными в качестве обособленных, независимых друг от друга противоположных сущностей. Тогда, быть может, соответствующие утверждения о приоритете общественной или частной собственности представляют собой неразрешимую антиномию, и решение проблемы заходит в тупик.

Чтобы не вставать на эту позицию, надо строго различать, когда общественная (общая) собственность и частная (индивидуальная) собственность выступают: (А) как две противоположные, несовместимые друг с другом сущности, и (Б) как различные, противоречивые стороны одной и той же сущности.

В первом случае речь идет о собственности на землю и средства производства, основанной на собственном (коллективном, индивидуальном) труде людей, и о противоположности ей по сущности собственности, базирующейся на чужом труде, т.е. на отчуждении труда и его результатов. Один тип собственности имеет законом своего функционирования тождество труда и собственности: с нее начинается свою историю человеческое общество, она долгое время остается господствующей, принимая форму непосредственно общей, общинной восточного (славянского), античного (греческого) вида, частной собственности германского крестьянина или ремесленника, не эксплуатирующих чужого труда.

* В латыни корневое “*privo*” образует не только “*privatus*”, т.е. частное, но и “*privatio*”, “*privationis*”: (1) лишение, отнятие; (2) освобождение, избавление; (3) отрицание, отсутствие (см.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 618).

В нашей стране в советское время она существовала в виде колхозно-кооперативной собственности. Другой вид собственности основывается на чужом труде, законом ее функционирования и развития является отделение собственности на условия и результаты труда от самого труда, превращение последнего в наемный труд. Применительно к рабочему это означает, что купленная его рабочая сила и продукт его труда отчуждаются, становятся чужой собственностью. Очевидно, указанные противоположные по сущности типы собственности не могут образовать некую общую, дуалистическую сущность, они отрицают друг друга: первоначальная общественная собственность, базирующаяся на собственном труде работника, сменяется собственностью, основанной на чужом труде, т.е. капиталистической собственностью, а последняя — социалистической.

Во втором случае имеются в виду различные, противоречивые стороны одного и того же вида собственности, которые не составляют самостоятельных сущностей, а характеризуют с противоположных сторон ту же самую сущность. Каждый из названных типов собственности внутри себя содержит индивидуальные, коллективные, государственные и иные формы, которые предполагают друг друга, находятся при всех своих различиях в определенном единстве. Капиталистическая частная собственность, например, может существовать в формах индивидуальной, коллективной (акционерной), государственной собственности. Все эти формы имеют общее начало — отчуждение работника от условий, средств и результатов труда.

Разграничение общественной и частной собственности как двух противоположных сущностей и как сторон одной и той же сущности позволяет установить различные способы их взаимодействия и разрешения противоречий между ними. Когда речь идет о противоречии между собственностью, основанной на своем труде, и собственностью, отделенной от труда, то в ходе истории она разрешается устранением одной из этих сущностей, и следова-

тельно, установлением другой в качестве необходимой и действительной сущности. Капитализм разрушает общинную собственность, основанную на собственном труде работника, а социализм предполагает устранение нетрудовой капиталистической собственности.

Удалось ли социализму выполнить эту задачу и развить общественную собственность на ее собственной основе до необходимого и достаточного уровня. Если нет, то почему и как это сделать?

В России после Октябрьской революции оставшейся капиталистической собственности первоначально была противопоставлена общественная собственность в форме непосредственной собственности каждого работника (коммуна). Общий продукт, произведенный коммуной, был непосредственной собственностью каждого ее члена. Была сделана попытка прямой государственной организации производства и распределения продукта путем продуктообмена, без частной торговли.

В дальнейшем эта форма реализации общественной собственности как непосредственно общей собственности подвергается отрицанию со стороны другой, противоположной ей формы — опосредованной частной собственности. Ее опосредованность развивалась в двояком отношении. С одной стороны, государственная собственность на крупные средства производства и землю все более приобретала статус особого отношения и тем самым отдельный человек или производственный коллектив в своих отношениях к крупным средствам производства и земле опосредствуются государством как высшим собственником, т.е. отдельный человек или коллектив сами по себе не являются их собственниками, они — лишь их владельцы, а собственниками выступают только как члены (органы) общества и государства. С другой стороны, и это пожалуй, самое главное общественная собственность в ряде важных аспектов стала реализовываться посредством товарно-денежных механизмов, которые используются государством и опосредствуют отношение отдельного

человека к общенародной собственности. Государство по отношению к своим подданным становится торговцем, главным образом через товарно-денежные механизмы оно обеспечивает граждан предметами личного потребления, регулирует отношения классов и социальных групп в области обмена и распределения. Первоначальное допущение мелкотоварного производства как способа реализации условий существования крестьян и средства развития сельского хозяйства неизбежно требовало «одеть» в соответствующую товарную форму и продукцию рабочего класса, и, следовательно, внедрить хозяйственный (коммерческий) расчет на государственных промышленных предприятиях. В дальнейшем, после ликвидации частнокапиталистических предприятий и проведения коллективизации, товарные механизмы сохраняются, но выполняют другую функцию — реализуют отношения между государством как высшим собственником и членами общества как сохозяевами этой собственности.

Дальнейшая реализация общественной собственности зависела от того, в какой мере исчерпала свои возможности товарная форма ее реализации и какова была степень ее подготовленности к переходу к новой форме. То, что ею должна была быть высшая форма — непосредственно общественная собственность, вытекало из развития труда как непосредственно-общественного, продукта тоже как непосредственно-общественного продукта, а производственных отношений — как непосредственно общественных отношений. Были осуществлены соответствующие преобразования и в области присвоения предметов личного потребления: значительная их часть, предназначенная для совместного удовлетворения потребностей, стала объектом непосредственной собственности. Имеются в виду приобретаемые из фондов общественного потребления бесплатные блага: среднее образование для всего населения и высшее — для его значительной части; услуги участковых врачей и специалистов; государственный автотранспорт для инвалидов, пен-

сионеров, детей, и т.д. Производственными предприятиями из коллективных фондов предоставлялись бесплатные путевки в санатории и дома отдыха, дети работающих обеспечивались бесплатными яслями и детскими садами, некоторые предприятия брали на себя бесплатное коммунальное обслуживание своих работников.

Однако продвигаться дальше по этому пути помешали товарно-денежные механизмы, из-за которых основную часть предметов потребления (необходимый продукт) трудящиеся присваивали посредством их обмена на стоимость своей рабочей силы, хотя этот обмен принимал форму присвоения по труду. В этом случае рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, т.е. он получает лишь ту часть созданного им продукта, которая необходима для воспроизводства своей рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в меновой эквивалент. Понятно, что из такого «эквивалентного» обмена ему не получить ни приращения своего умственного и физического потенциала, ни прибавки к его благосостоянию.

Распределение путем эквивалентного обмена труда на продукт лишь на поверхности представляется присвоением посредством труда, т.е. дает рабочему только формальное право собственности на свой продукт. В действительности же обмен труда одной формы на труд другой формы (овеществленный в продукте) уже сам по себе предполагает разрыв между трудом и собственностью, отсутствие собственности у непосредственных работников, а потому и объективную возможность присвоения части их труда без эквивалента. «Основанное на меновой стоимости производство, на поверхности которого происходит указанный свободный и равный обмен эквивалентами, в основе своей есть обмен овеществленного труда как меновой стоимости на живой труд как потребительную стоимость; или, выражаясь иначе, это есть отношение труда к его объективным условиям, — а потому и к создаваемой

самим трудом объективности — как к чужой собственности: отчуждение труда». [21].

За пределами простого товарного производства отношение меновой стоимости, одной из сторон которого является рабочая сила, есть, по существу, отношение присвоения труда. Оно заложено в самой социальной природе труда как созидателя стоимости, поскольку в последней заключен прибавочный труд. Отношение стоимости (менной) неизбежно закрепляется в определенных формах собственности. Ими являются: с одной стороны, собственность рабочего на свою рабочую силу, а с другой, обратной, — собственность нанимателя рабочей силы на средства производства, будь эта собственность государственной, коллективной (групповой) или частной. Нанимателю нет нужды в собственности на свою рабочую силу, но необходимо отчуждение рабочего от собственности на средства производства, ибо тот, кто нанимает рабочего, достоянием которого является только рабочая сила, неизбежно получает право на часть продукта рабочего.

Оценивая создавшуюся ситуацию в данной области, следует сказать: основная задача по изменению системы распределения жизненных благ за годы после Октябрьской революции не была должным образом решена; способ распределения этих благ не был приведен в соответствие с обобществлением собственности на материальные средства производства. Если за это время собственность формально, т.е. в виде государственной собственности, была обобществлена применительно к средствам производства, то по отношению к предметам, предназначенным для индивидуального потребления, этого не произошло. Их основная масса присваивалась непосредственными производителями на базе величины их необходимого труда, стоимости рабочей силы, т.е. на деле реальное обобществление не состоялось.

Принцип присвоения по количеству необходимого труда, возникший из недр мелкобуржуазного социализма и сформулированный его теоретика-

ми, в условиях сохранившегося товарного обмена оказался средством сохранения и утверждения наемного характера труда. В результате частнохозяйственный способ распределения жизненных благ оказался в явном противоречии с общественным способом их производства. Не разрешенное обществом противоречие с каждым новым расширением товарно-денежных отношений в сфере распределения жизненных благ обострялось. В этом противоречии и состоит сущность и главная причина современного кризиса. Наемный характер труда, превращение непосредственного производителя в наемного работника, поденщика привели к деформации общественной собственности и всего социализма, к потере интереса рабочих и крестьян к труду и его результатам, к падению производительности труда, относительному обнищанию рабочего класса. Все это — следствие расширения товарного производства.

Раньше считалось, что при наличии общественной собственности на средства производства и сохранении государственной власти в руках рабочих и крестьян товарное производство и обращение не могут привести к возрождению наемного характера труда и функционированию рабочей силы в качестве товара, к образованию рынка капиталов, безработице и другим неизбежным спутникам товарно-рыночных отношений.

Действительность опровергла прежние представления. Подобно тому как перевод предприятий на хозяйственный расчет и показатель прибыли в первые годы нэпа привел к взвинчиванию цен и экономическому кризису, так и расширение товарно-денежных отношений, переход к производству прибыли в 1960-е гг. привели экономику к кризису. Произведенные поправки в заложенной реформой стоимостном механизме на время задержали этот процесс (застойный период), но не смогли остановить. Последующая «радикальная» реформа, ориентированная на стоимостные показатели («вал» и прибыль), приблизила кризис, а переход к свободному рынку привел к экономическому краху. Этот переход не мог быть ничем иным как переходом к рынку

капитала и рабочей силы, ибо другие формы рынка, в частности рынок потребительских товаров, у нас существовали и раньше.

Выйти из кризиса и разрешить указанное противоречие можно лишь на основе преодоления наемного труда, передачи собственности на создаваемые рабочими и крестьянами доходы в их собственные руки и утверждения принципа присвоения по потребительной стоимости. Вместо стоимости рабочей силы должна вступить в действие ее потребительная стоимость, а основанием распределения жизненных благ становится потребительная сила труда.

Потребительную стоимость своей рабочей силы работник реализует в живом труде. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, состоит в том, что она предполагает доставку большего количества труда, чем затрачивается на производство жизненных средств рабочего. Их потребление хотя и не входит непосредственно в процесс труда, тем не менее через реализацию рабочей силы в труде, а труда – в созидании продукта, приводит к созданию дополнительной потребительной силы общества и человека. Работник, следовательно, может с полным основанием претендовать не только на тот объем жизненных средств, который равен (эквивалентен) стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. Тем самым отпадает главный ограничитель благосостояния и развития трудящихся – способ распределения по затратам необходимого труда, осуществляемый пропорционально стоимости приобретаемых ими жизненных средств, т.е. стоимости их рабочей силы.

Главное, коренное преимущество распределения по потребительной силе труда, реализованной в потребительной стоимости продукта или полезности, состоит в том, что работники получают право присваивать не только необходимый, но и прибавочный продукт своего труда. Тогда масштаб их потребления уже не ограничивается затратами, стоимостью их рабочей силы,

а необходимо предполагает приращение благосостояния тружеников, возможность “прибавочного” их развития. Тем обстоятельством, что они постоянно получают часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, работники обязаны уже не только своему труду, но и общественной собственности на средства производства, благодаря которой они превращаются в работающих собственников. Следовательно, воспроизводство работника определяется не одним только трудом. Его отношение к объективным условиям труда как своей собственности выступает не результатом его труда, а предпосылкой.[22]. Нормой же, по которой продукт распределяется между работающими собственниками, будет отношение потребительной стоимости совокупного общественного продукта к затратам труда.

Принцип распределения, основанный на потребительной стоимости, чаще всего трактуется как распределение по производительности (эффективности) труда: фонд заработной платы на предприятии и оплату труда работника предполагается формировать в соответствии с коэффициентом эффективности труда как отношением полезного результата труда к затратам на его производство. Этим, однако, ограничиваться нельзя. Дело в том, что производительную силу труда надо сначала выразить в его потребительной силе. Если полезный результат берется в натуральных единицах данного вида потребительной стоимости и сопоставляется с затратами, то это будет классическим определением производительности труда.

К тому же условия производства продукции и условия ее реализации существенно отличаются друг от друга. Если первые замыкаются на производительности труда, то реализация продукта зависит еще от ряда обстоятельств: прежде всего – от достигнутой пропорциональности отраслей народного хозяйства, от их соответствия структуре общественных потребностей, затем от потребительной силы общественного труда и от того, сколько потребителей будет приходиться на данное количество производителей. Сама

потребительная сила общества, в свою очередь, определяется потенциалом существующего способа производства.

Для решения проблемы надо, во-первых, выразить потребительную стоимость (полезность) продукта количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемый объем экономии, замещения; во-вторых, необходимо перевести исчисляемую таким образом производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т.е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она, с нашей точки зрения, будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое, с одной стороны, становится мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, а с другой, – мерой развития рабочего.

Распределение, следовательно, базируется здесь на законе экономии времени, который, согласно К.Марксу, становится первым экономическим законом на основе коллективного производства. Измерение посредством сэкономленного рабочего времени, отмечает К.Маркс, существенно отличается от измерения меновых стоимостей продуктов затраченным рабочим временем.[23]. Очевидно, что распределять жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счет более высокой потребительной стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда.

Итак, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, необходимо сказать следующее: альтернатива в моделях собственности человека существует лишь между собственностью, основанной на своем труде, и собственностью, основанной на чужом труде. Мы не отрицаем того, чтобы каждый стал собственником, мы лишь против того, чтобы быть собственником за счет чужого, наемного труда, за счет эксплуатации другого человека. Общество призвано на деле воссоединить личность и собственность, восстановить индиви-

дуальную, личную и в этом смысле “частную” собственность каждого на самой широкой основе – на базе обобществленного, коллективного труда всего общества. Как бог дан в трех ипостасях, так и человек должен быть собственником в трех лицах, в тройном отношении.

Во-первых, каждый должен быть собственником как индивид, носитель непосредственной индивидуальной собственности на продукт своего труда. Индивидуальная собственность такого рода может основываться не только на частной собственности на средства производства, но и на общей, коллективной собственности. В этом случае восстанавливается индивидуальная собственность, но не как частная собственность, а как собственность индивида на базе кооперации и общего владения землей и произведенными общим трудом средствами производства.

Эта база, с одной стороны, позволяет часть предметов, произведенных общим трудом общества, превратить в личную собственность каждого и в этом смысле их индивидуализировать, сделать достоянием каждого работника, его индивидуальной (частной) собственностью. Кроме того, с другой стороны, посредством этой формы собственности присваивается труд в виде той части продукта, которая необходима не для коллективного, совместного потребления, а для индивидуального потребления.

Можно ли данную задачу в наше время выполнить посредством индивидуальной (частной) собственности, основанной на собственном индивидуальном труде? Практика показывает, что этого сделать нельзя. Фермерам приходится трудиться 14-16 часов в сутки, и ни о каком развитии их индивидуальности речи идти не может. Если кто и развивает свою личность и свое благосостояние, так это та часть общества, которая существует за счет чужого прибавочного продукта – продукта непосредственных производителей, в том числе и фермеров.

Частная собственность на средства производства и землю, даже если она базируется на собственном индивидуальном труде и оправдывается обществом, в современных условиях исключает возможность использования громадных сил всеразвивающегося обобществления труда и производства, которые не могут принадлежать отдельному работнику – носителю обособленного труда и обособленной собственности. В этом случае он лишается могучих потенций современной кооперации труда, без которых невозможно достигнуть нормального развития личности работника.

К этому нужно добавить еще один довод: те, кто связывают свободу личности и ее развитие с частной собственностью, почему-то не задумываются над тем, что все члены общества не могут быть частными собственниками средств производства. Большинству в этих условиях все равно придется оставаться частными собственниками одной только своей рабочей силы, а вовсе не средств производства и земли, собственником которых окажется небольшая часть населения. Собственник же только своей рабочей силы, оставаясь в этом смысле индивидуально-частным собственником, не может получить из результатов своего труда больше, чем затрачивает труда на воспроизводство своей рабочей силы. Эквивалентный обмен его рабочей силы на продукты и услуги, необходимо вытекающий из частно-индивидуальной собственности на рабочую силу, ограничивает развитие работника. Причем стоимость его рабочей силы может упасть настолько, что он окажется за чертой бедности. Ни о каком развитии ему думать не приходится, ему лишь бы выжить.

Во-вторых, кроме собственности на продукт своего индивидуального труда каждый должен иметь в собственности средства и продукт совместного труда, поскольку он является членом определенного трудового коллектива. По отношению к средствам производства член коллектива выступает их совладельцем и одновременно их производительным потребителем. Функция

владения ими и использования их в труде дают ему основание претендовать на часть прибавочного коллективного продукта и реализовать его как индивидуальную собственность в личном потреблении посредством отчуждения этого продукта или же получать услуги коллективного пользования, например, услуги заводской поликлиники, дома отдыха, и т.д. В итоге члены коллектива присваивают часть коллективного дохода в качестве собственников (совладельцев и потребителей средств производства), поскольку основные и оборотные средства могут быть продуктом труда других поколений и рабочих других предприятий.

В отличие от предпринимателя, получающего прибавочный продукт на основе частной собственности на средства производства, труженик приобретает его как работающий собственник, осуществляющий производительный труд. Если предприниматель обращается к услугам собственности для получения предпринимательского дохода, то рабочий тем более не должен отказываться от этого права. Причем он имеет все основания претендовать не только на ту часть прибавочного продукта, которая идет на личное потребление и отчуждается им, но и на ту часть, которая предназначена для производственного накопления и используется для обновления оборудования. Соответствующий процент от накопления (с его участием) средств производства должен отчисляться и в том случае, если рабочий выходит на пенсию.

В-третьих, каждый труженик выступает собственником принадлежащих всему обществу, всему народу средств производства, земли и других форм богатства. Основанием для реализации общенародной собственности как собственности каждого, т.е. для ее персонификации, служит опять-таки то, что эти средства производства являются условиями, используемыми членами общества в их производстве, т.е. они относятся к ним как к им принадлежащим и используемым ими в их трудовой деятельности. Вместе с тем индивидуализация общей собственности в виде общих средств производства не

предполагает их отчуждения отдельными работниками. В то же время отношение отдельного члена общества к общим условиям своей деятельности не может не входить в структуру общей собственности. Всякое отдельное так или иначе включается в общее, предполагает это общее как свою основу, поэтому общая собственность может и должна реализоваться как собственность каждого, как общественно-индивидуальная собственность. Это может осуществляться путем систематического снижения розничных цен.

Конечным звеном этой реализации выступает потребление части общественного продукта каждым членом общества. Это вынуждены были формально признать и при проведении чековой приватизации: каждому гражданину выплачена определенная сумма денег по специальному приватизационному чеку, т.е. выдана как бы его доля из принадлежащего всему обществу дохода. Важно, чтобы он получал такую долю постоянно, ежедневно.

В итоге трудящийся человек, чтобы посредством распределения и потребления мог реализовать себя как собственника во всех трех измерениях, должен: (а) как индивид – получать доход от применяемого им индивидуального труда, присваивая часть продукта своего труда; (б) как член коллектива – присваивать часть коллективного дохода на основе производительного использования средств производства и совместного владения ими; (в) как член общества – присваивать долю национального дохода на основе того, что он участвует в его создании и является владельцем общенародного достояния. Его доход, следовательно, складывается с учетом его собственности на все факторы производства и основывается на общественном труде как источнике доходов, а не ограничивается лишь заработной платой наемного рабочего, равной стоимости лишь необходимой части его продукта и эквивалентной стоимости сдаваемой им в наем рабочей силы.

3. Распределение на основе потребительной стоимости

Закон потребительной стоимости, как и все экономические законы, представляя прежде всего движение производства, одновременно является законом распределения. То, что производство делает своей конечной целью, распределение должно сделать результатом производства, т.е. оно выступает способом реализации цели производства.

Наиболее очевидно действие названного закона в сфере распределения условий производства и труда: их распределение между отраслями народного хозяйства в конечном счете осуществляется в зависимости от потребностей в различных благах, т.е. удовлетворение разнообразных потребностей людей требует приложения соответствующего количества различных видов труда и производства различных количеств продуктов. Это требование является условием функционирования любого производства в той мере, в какой конечным результатом производства являются потребление и воспроизводство самого человека. Всем известно, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, – измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены.»[24]

Наиболее основательно этот закон может выявить себя при социализме, в котором производство должно находиться под действительным предопределяющим это производство общественным контролем. Обществом создается связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство какого-либо определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого

предмета, т.е. на основе планового распределения устанавливается надлежащее соотношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями.

К сожалению, планирование этих пропорций в нашей стране не учитывало требования закона потребительной стоимости, оно базировалось на затратном, стоимостном принципе, что не могло не привести к серьезным диспропорциям в распределении средств производства и труда, с одной стороны, и удовлетворения потребностей надлежащим количеством жизненных благ – с другой. Дальнейшее расширение затратного принципа в сфере распределения не могло не сопровождаться углублением разрыва между производством и потреблением, нарастанием кризисных явлений в этой области. Отсюда — настоятельная необходимость в преодолении затратных основ распределения средств производства и труда и перевода распределения на потребительностоимостную основу.

Закон потребительной стоимости является регулятором распределения не только труда и условий производства, но и предметов индивидуального потребления. Однако его применение к сфере распределения жизненных благ вызывает наибольшие трудности. По какому критерию они распределяются – во многом остается тайной тайн социализма. По этому вопросу мы не находим четкого ответа в работах К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина.

На поверхности общественной жизни, если отвлечься от распределения через общественные фонды, незыблемым “социалистическим” принципом выступает распределение жизненных благ по труду. Редко кто задумывался над тем, что это значит по существу, по какому труду осуществляется распределение. Если речь идет об абстрактном труде и имеются в виду его общественно необходимые затраты на производство жизненных средств или результаты труда в виде стоимости этих средств, то их распреде-

ление происходило на практике по стоимости рабочей силы, по з а т р а т н о м у п р и н ц и п у. Соответственно, рабочая сила воспроизводилась в с ф е р е р а с п р е д е л е н и я, как и всякий товар, – по з а к о н у с т о и м о с т и. Рабочий, получая

э к в и в а л е н т общественно необходимых затрат своего труда, не мог рассчитывать на приращение своего благосостояния и развития: полученным продуктом он лишь возмещал бы затраты своего труда. Эквивалентный и тем более неэквивалентный обмен стоимости рабочей силы и жизненных средств этого не допускает. Эта практика вошла в противоречие с тем, что в социалистических условиях рабочая сила теряет свойства товара, а труд перестает оплачиваться по стоимости рабочей силы. Тогда оставался открытым вопрос, по какому закону осуществляется распределение жизненных благ, как трактовать принцип распределения по труду.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин не считали возможным распределение при социализме по стоимости рабочей силы, по затратам абстрактного труда. Вместе с тем они не исключали труд из критериев распределения. Проводя параллель с простым товарным производством, К. Маркс считал, что рабочее время должно служить м е р о й не только индивидуального участия в совокупном труде, но и в индивидуально потребляемой части совокупного продукта.[25]. Он допускал обмен трудовыми эквивалентами: то же самое количество труда, которое рабочий дал обществу в одной форме, он получает (после соответствующих вычетов) обратно в другой форме.[26].

Эта аналогия может быть рационально понята в случае, если здесь иметь в виду под трудом конкретный труд, т.е. рассматривать труд со стороны его роли создателя не стоимости, а потребительной стоимости. К. Маркс, как потом разъяснил Ф. Энгельс, не мог принять тезис Е. Дюринга, что в будущем социалистическом обществе, сохраняющем якобы товарное производство,»не только продукт труда, но и самый труд должен непосредственно об-

мениваться на продукт: час труда – на продукт другого часа труда».[27]. В более или менее развитом товарном производстве этого не может быть, ибо в таком случае продукт труда был бы товаром (стоимостью), а стоимость рабочей силы определяется вовсе не ею произведенным продуктом, а воплощенным в ней трудом. При подобном положении вещей, когда происходит только обмен труда на труд (в форме живого труда или его продукта), предполагается отделение работника от собственности и превращение продукта в стоимость. Обмен труда на труд, хотя и кажется условием наличия собственности у работника, на деле же имеет своей предпосылкой отсутствие собственности у работника на объективные условия труда.

Если же рабочая сила (труд) обменивается на свой (полный) продукт (одного часа труда на продукт другого часа труда), то обмен труда происходит уже не по закону стоимости, а по закону потребительной стоимости. Предпосылкой такого обмена будет не просто труд, а собственность работника на материальные условия своего труда. Там, где у К. Маркса или Ф. Энгельса встречаются формулировки, похожие на принцип распределения по труду применительно к социализму, имеется в виду потребительностоимостная, а не стоимостная природа труда. К сожалению, они не всегда четко проводили это разграничение в вопросах распределения и в молодости (Ф.Энгельс) допускали возможность потребительностоимостного выражения стоимостного обмена. Этим самым они давали повод отождествлять обмен стоимостных эквивалентов – стоимости рабочей силы на стоимости жизненных средств – с обменом трудовых эквивалентов: час труда на продукт другого часа труда.

В потребительностоимостной трактовке распределения учет труда нужно рассматривать не с позиций того, сколько среднего труда затрачено по условиям производства на жизненные средства, а по затратам труда, связанным с условиями их потребления, т.е. с той точки зрения, что удовлетворение

определенных потребностей требует затраты определенного количества труда. Именно этот труд — труд по условиям потребления — должен учитываться в качестве меры участия как всего общества, так и отдельного человека в индивидуально потребляемой части продукта: чтобы получить определенную долю продукта для потребления, нужно затратить определенное количество труда.

Труд учитывается не только с точки зрения затрат на производство продукта, но и с точки зрения потребления, если общество не в силах обеспечить своих членов благами по потребностям. В той мере, в какой обмен потребительными стоимостями определяет смысл простого товарного производства, правомерно проводить аналогию между распределением по труду на основе потребительной стоимости и распределением в условиях простого товарного производства.

Другой, не менее важный аспект состоит в следующем: обществу и людям недостаточно знать, что количеством затрат общественно необходимого труда определяется стоимость жизненных средств и, следовательно, уровень платежеспособного потребления; надо еще знать, чем определяется величина того живого труда, который они должны затратить, чтобы получить то или иное количество жизненных благ. Люди должны знать, сколько надо трудиться, чтобы получить определенное благосостояние и развитие, а не наоборот — сначала трудиться, а потом ждать, насколько повысится их благосостояние. Эта задача не может быть решена на основе закона стоимости, она решается на базе противоположного принципа — закона потребительной стоимости. Если воспроизводство рабочей силы по ее стоимости (иначе говоря, зарплата) определяется общественно необходимыми затратами труда на производство потребляемых рабочим жизненных благ, то сами эти затраты (затраты труда на их производство) определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ. Последние потребляются не как

меновые, а как потребительные стоимости. Как стоимости они лишь обмениваются, продаются и покупаются. Именно потребительная стоимость жизненных средств»определяет издержки производства рабочей силы»[28], и соответственно “доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью продукта, т.е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу”[29], потребительной стоимостью продукта.

Затраты конкретного труда по условиям потребления не могут быть определены в рамках закона стоимости. Согласно этому закону стоимость жизненных средств определялась бы тем, сколько на них затрачивается необходимого труда, а сами эти затраты труда – стоимостью жизненных средств, т.е. мы не смогли бы выйти из замкнутого логического круга: стоимость жизненных средств определяется необходимым трудом на их производство, а необходимый труд – стоимостью обмениваемых на него жизненных средств. Мы, таким образом, повторили бы то определение стоимости А. Смитом, в котором он делал»мерой стоимости товаров м е н о в у ю с т о и м о с т ь труда, фактически – з а р а б о т н у ю п л а т у; ибо заработная плата равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определенного количества живого труда, или равна тому количеству труда, на которое может быть куплено определенное количество товаров... Здесь масштабом стоимости и основанием для ее объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг.»[30].

Выйти из этого круга можно лишь обратившись к потребительной стоимости жизненных средств и самой рабочей силы. Подобно тому как закон стоимости не объясняет возникновения прибавочной стоимости, так он не объясняет, сколько обществу надо затрачивать конкретного труда, чтобы так или иначе удовлетворять потребности людей. Потребительная стоимость

жизненных средств не имеет никакого прямого отношения к общественно необходимым затратам труда по условиям производства продукта.

Рабочее время может определять стоимость жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочего, но не наоборот: стоимость этих средств не может определять рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочего. Это время определяется уже другим фактором – п о т р е б и т е л ь н о й с т о и м о с т ь ю ж и з н е н ы х с р е д с т в и стоящими за ними потребностями. Реализуется же потребительная стоимость жизненных благ в потребительной стоимости самой рабочей силы, а последняя – в живом труде, в его созидательных качествах, в способности производить больше, чем надо для содержания рабочего. Отсюда следует, что стоимостному принципу распределения жизненных благ с самого начала противостоит другой способ распределения – потребительностоимостной. В рамках закона потребительной стоимости исходным в распределении выступает уже не стоимость рабочей силы, а ее потребительная стоимость. Соответственно этот способ распределения исходит из необходимости непосредственного удовлетворения жизненных потребностей и воспроизводства человека как носителя труда и субъекта общественных отношений. В этой плоскости лежат критерий и мера потребительностоимостного распределения.

Для обеспечения существования человека, восстановления и воспроизводства его жизненных сил этот критерий можно установить, исходя из обычаев и привычных потребностей. В первобытных обществах, не достигших высокого развития производительных сил, основой распределения как труда, так и жизненных благ, служили потребительная стоимость продуктов и потребности человека. И в наше время мерой для обычного содержания человека являются расчеты прожиточного минимума, рационального потребительского бюджета, исходящие из потребительской «корзины», из суммы продуктов и промтоваров. Именно ими определяются минимальная заработ-

ная плата и денежное (стоимостное) выражение жизненных средств, а не наоборот.

Таким же способом можно установить максимальные для данного периода потребительские бюджеты и соответствующие им уровни возможных доходов. Они определялись бы не источником доходов (зарплата для наемных работников, предпринимательский доход и процент – для нанимателей рабочей силы и т.д.), не игрой цен, а потребностями развития личности и нужным для этого уровнем благосостояния. Да и само развитие производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности.

Способ распределения на основе потребительной стоимости жизненных средств позволяет установить количество труда, необходимого для удовлетворения соответствующих потребностей. Однако в этом случае труд будет необходим не по условиям производства стоимости, не тем трудом (рабочим временем), который реализуется во вновь созданной в течение данного года стоимости, а трудом, необходимым по условиям потребления, который реализуется в годовом продукте как в потребительной стоимости. Его (труд) можно рассчитать по следующей формуле:

$$\Phi_p = U_n \cdot N_n \cdot Z_n,$$

где Φ_p – годовой фонд рабочего времени; U_n – уровень потребления продукта; N_n – численность населения; Z_n – нормативные затраты труда.

Расчеты показывают, что, например, в 1988 г. по условиям потребления на производство зерна было затрачено 450,7 млн. ч., картофеля – 744,0 млн. ч., мяса – 5 510,0 млн. ч., молока – 7 144,6 млн. ч., овощей – 1 563,7 млн. ч. Весь объем затрат живого труда на перечисленные продукты составил 15 413,0 млн. ч., при 245 рабочих днях в году, 8-часовом рабочем дне.

**Рабочее время, затраченное на производство
некоторых продуктов в 1988 г. по условиям потребления**

Наименование продукта	Трудовые за- траты на 1 ц., чел.-ч.	Душевое по- требление в год, кг	Фонд потребле- ния, млн. т	Фонд рабочего времени, млн. чел.-ч.
Зерно	1,2	131,0	37,6	450,7
Картофель	2,6	99,0	28,4	744,0
Овощи	5,4	101,0	28,96	1 563,7
Мясо	29,0	66,0	18,9	5 510,0
Молоко	7,0	356,0	102,1	7 144,6

Примечание. Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1988 году. М., 1989. С. 18, 118, 426, 531, 542; Сошнев Е.Б. Свободное время в системе социалистического воспроизводства. Дисс... канд. Экон. наук. Л., 1990. С.68.

Для обеспечения существовавшего уровня потребления названных продуктов при сложившемся уровне производительности труда и соответствующих трудозатратах нужно было иметь 7,8 млн. годовых работников ($15413:245 \cdot 8 = 7,8$).

Зная научно установленные нормы питания, техническую вооруженность труда (его производительность), урожайность полей, продуктивность скота и т.п., можно рассчитать нужное количество конкретного труда для всей потребительской «корзины», а также труда для производства соответствующих средств производства по их потребительной стоимости. Если же исходить из стоимостных расчетов, то легко нарушить всякую пропорциональность между потреблением и затратами труда по условиям потребления. Как бы ни повышались цены на продукты, их производство, доставка и реализация оказываются не под силу обществу: оно не способно выделить для этого нужное количество труда. Стоимость и абстрактный труд оказываются бессильными. Общество вынуждено обращаться к непосредственному обмену потребительных стоимостей.

Соответствие труда по условиям потребления труду по условиям производства выражает лишь самое простое и очевидное требование закона потребительной стоимости, выступающее условием функционирования стоимости в простом товарном производстве. Необходимый по условиям потребления труд содержит в себе потенциал не только для обеспечения обычного существования человека на основе обмена трудовыми эквивалентами, но и для его свободного развития, расширенного воспроизводства его способностей и благосостояния. Это последнее обстоятельство связано с тем, что потребительная стоимость жизненных средств, эффект их потребления всегда являются большими, чем затраты на их производство.

Затраты на воспроизводство рабочей силы и, соответственно, на производство ее жизненных средств бывают всегда меньшими, чем высвобождаемый этой рабочей силой труд. Если, например, 7,8 млн работников обеспечивают потребности остальной части населения в зерне, картофеле, овощах, мясе и молоке, то тем самым они освобождают от участия в их производстве громадное число людей.

Именно поэтому мерой потребительной силы труда, вырастающей из потребительной стоимости жизненных средств, является отношение $\frac{\text{с э к о н о м л е н н о г о р а б о ч е г о в р е м е н и}}{\text{к р а б о ч е м у в р е м е н и}}$, и $\frac{\text{с п о л ь з у е м о м у}}{\text{в и х п р о и з в о д с т в е (п о у с л о в и я м п o т р е б л е н и я)}}$. Высвобождаемое, $\frac{\text{с э к о н о м л е н н о е}}{\text{в п р о и з в о д с т в е}}$ рабочее время не может быть равным $\frac{\text{з а т р а ч е н н о м у}}{\text{р а б о ч е м у в р е м е н и}}$, первое всегда больше второго. В этом состоит социально-экономический смысл полезности как всех создаваемых человеком средств, так и естественных сил природы, используемых обществом.

Получать жизненные блага по потребительной силе своего труда – не значит распределять их по затратам труда, даже если они берутся как затраты конкретного труда. Это вернуло бы распределение к стоимостному принципу, к тому, что экономия рабочего времени в производстве жизненных

средств неизбежно снизила бы стоимость рабочей силы, уменьшила бы стоимостной объем потребления работников.

Это явление вполне объяснимо, ибо в стоимостной плоскости требования закона потребительной стоимости могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы по мере уменьшения затрат труда удешевлялись жизненные средства и за счет этого рабочие смогли бы увеличить свое потребление. Однако в настоящее время надеяться на снижение цен пропорционально росту производительности труда и экономии рабочего времени не приходится. Жажда прибыли подавляет всякую возможность снижения цен.

Распределение не по эффективности затрачиваемого труда, не по его производительной, а по потребительной силе, существенно изменяет способ распределения жизненных благ. Рабочий получает возможность через экономию рабочего времени превращать возросшую производительную силу в свою новую дополнительную потребительную силу – не только содержать себя, но и приобретать условия для своего развития. Он получает экономически обоснованное право на часть им же сэкономленного рабочего времени в виде сокращения рабочего дня и увеличения продолжительности своего свободного времени.

Что же касается распределения по эффективности, производительности труда, то в лучшем случае рабочий может надеяться на приращение своего материального благосостояния за счет роста массы производимых предметов потребления в тех же рамках рабочего времени. Несмотря на привлекательность принципа распределения по эффективности труда, по его производительности, без перевода производительной силы труда в форму его потребительной силы этот принцип не срабатывает, поскольку он непосредственно не содержит в себе критерия распределения и потребления. Если производительность труда определяется сопоставлением его полезного результата в натуральных единицах данного вида потребительной

стоимости с трудоемкостью, то это говорит лишь о том, что при более высокой производительности труда выпускается больше продуктов за ту же единицу времени. Из этого, однако, автоматически не следует повышения благосостояния работника.

Условия производства продукта и условия его реализации не совпадают. Если первые зависят лишь от производительной силы труда, то вторые опосредуются достигнутой пропорциональностью в развитии различных отраслей народного хозяйства и потребительной силой общества. Последняя же определяется не абсолютной производительной и не абсолютной потребительной силой людей, а потребительной силой, ограничиваемой данными отношениями распределения, т.е. в зависимости от способа распределения.

При потребительностоимостном способе распределения необходимо сначала выразить полезность продукта труда количеством замещаемого, сэкономленного живого труда за вычетом затрат труда на достигаемую величину экономии. Затем следует таким образом измеренную производительную силу труда перевести на язык его потребительной силы, определив потребительную стоимость рабочей силы. Так, для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое осуществлено в ней самой.

Мы полагаем, что **р а с п р е д е л я т ь** жизненные средства на основе сэкономленного труда можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда. На индивидуальном уровне **н о р м о й р а с п р е д е л е н и я** для рабочего было бы отношение сэкономленного им труда к затраченному, а по аналогии с товарным производством и на более привычном языке – его прибавочного труда к необходимому, взятыми в их общеэкономическом смысле. Прибавочный труд рабочего в этом случае представлял бы собой сэкономленный труд тех, кто не участвует в материальном производстве, т.е. без этого труда

рабочих они вынуждены были бы участвовать в производстве своих жизненных средств. Что значит распределять жизненные блага по этой норме?

Во-первых, она предполагает, что распределение с самого начала происходит с учетом не просто и не только затрат необходимого труда, как это вытекает из принципа “Каждый по способностям, каждому по труду”, а по всему, в том числе прибавочному (в указанном смысле), труду. Продукт труда достается самим трудящимся, а произведенный ими излишек над их собственным содержанием (над жизненными средствами для их собственного сохранения, воспроизводства) служил бы для развития самих рабочих, для того чтобы они могли равноправно пользоваться всеми приобретениями науки и культуры.

Во-вторых, благосостояние рабочего определялось бы не просто стоимостью его рабочей силы, общественно необходимыми, усредненными, уравнированными для данного периода затратами на ее воспроизводство, но и уровнем прибавочного продукта, который, в свою очередь, определяется отношением этого продукта к той части продукта, в которой выражается только необходимый труд. Соответственно, степень богатства рабочего измерялась бы относительной величиной потребляемого им прибавочного продукта. В стоимостном же измерении, как это происходит ныне, норма прибавочного продукта скорее свидетельствует об изъятии у рабочего прибавочного продукта.

Проблема состоит в том, чтобы норму прибавочного продукта, рассматриваемую по аналогии со стоимостным механизмом распределения, превратить из нормы изъятия прибавочного продукта у рабочих в норму получения ими своих доходов, т.е. сделать так, чтобы рабочие распределяли между собой производимый ими продукт так же, как это делали капиталисты – по норме прибавочного продукта или по ее модификации – средней норме прибыли (рентабельности).

Подобную перестройку, например, осуществили в своем хозяйстве работники дагестанского Союза собственников “Шукты”. Каждый работник, имея на своем счету заработанную им долю из коллективного богатства, не только возмещает из своего дохода затраты на средства своего существования, но и получает определенный процент прибыли. Что же касается служащих, управленцев и других непроизводственных работников, то их существование и благосостояние ставятся в зависимость от доходов производителей, – они получают определенный процент от этих доходов. Например, благосостояние зоотехника находится в прямой зависимости от доходов доярок, от результатов их труда.[31].

На уровне всего общества потребительно-стоимостной механизм распределения претерпевает существенную модификацию. Последняя обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что общественные производительные силы труда, возникающие из общественных комбинаций труда, из его соединения с наукой дополняются общественной потребительной силой труда. Эта сила реализуется в *н а д ы н д и в и д у а л ь н о м п о т р е б л е н и и*, за которым стоят совместно удовлетворяемые потребности людей в образовании, здравоохранении и защите окружающей среды, благах культуры т.д. Очевидно, что только по этой причине норма общественного прибавочного продукта будет иной, чем норма индивидуального прибавочного продукта рабочего. Первая будет выше второй, поскольку общественные производительные силы труда реализуются в дополнительной массе общественного продукта как потребительной стоимости. Соответственно, общественная потребительная сила труда будет не вычетом, а плюсом к его индивидуальной потребительной силе.

Кроме того, подлежащий распределению продукт в его потребительной форме будет совсем иным, чем продукт в своей стоимостной форме. И не только потому, что первый является результатом конкретного труда, а второй

– абстрактного. Так, присоединенный в течение года абстрактный труд воплощается лишь во вновь созданной стоимости, не представляющей всего годового общественного продукта: она меньше стоимости годового продукта. Главное же состоит в том, что без выделения потребительной формы общественного продукта невозможно объяснить расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния, возвышение их потребностей. Ведь если исходить из распределения продукта как вновь созданной стоимости, то по мере повышения производительной силы труда эта стоимость должна уменьшиться. Вследствие этого и потребление, определяемое (в этих стоимостных рамках) необходимым временем труда, неизбежно должно сокращаться. Согласно закону возрастания органического строения производства (C/V) все большая часть общественного рабочего времени будет затрачиваться на производство средств производства, а все меньшая его часть – на производство жизненных благ. При сохранении стоимостных рамок невозможно будет поднять уровень потребления рабочих. Наоборот, их потребление, определяемое необходимым рабочим временем и стоимостью необходимого продукта, неизбежно должно сокращаться.

Принципиальное решение этой проблемы опять-таки возможно лишь на потребительностоимостной основе. Расширенное воспроизводство потребительной силы трудящихся может осуществляться не на базе затрат их необходимого рабочего времени, а посредством присвоения сэкономленного времени, все более растущего свободного времени общества. Эта экономия зависит от повышения потребительной стоимости средств производства и рабочей силы, а вовсе не от соотношения времени, затрачиваемого на производство средств производства и на производство жизненных благ, т.е. не от отношения C/V . Наоборот, чем больше экономится живого труда, тем выше будет потребительная сила трудящихся.

Иные формы приобретает распределение сэкономленного рабочего времени. Вместо нормы прибавочного труда (отношение прибавочного к необходимому рабочему времени) главным способом ее распределения выступает норма свободного времени общества (отношение незанятого в материальном производстве времени к занятому рабочему времени). Если на индивидуальном уровне (у рабочего) эта норма в настоящий период характеризуется отношением его 2 – 3-часового свободного времени к его 7-часовому рабочему времени и составляет 30 – 40%, то для занятых в непроизводственной сфере она будет намного выше – 130 – 140%. В зависимости от этих норм распределяются условия развития между разными группами населения: у одних членов общества они оказываются минимальными, у других – максимальными.

Что же касается количественных соотношений между работниками производительного и непроизводительного труда, то они зависят от разных обстоятельств. Число живущих на доход по сравнению с численностью производительных рабочих может быть велико потому, что значительная часть годового продукта идет на потребление, а не на воспроизводство материальных условий производства. Или же потому, что высока производительность труда производительных рабочих, позволяющая иметь достаточно большой объем прибавочного продукта и содержать значительное количество непроизводительных работников. Существенное значение имеют и развитость потребностей, и потребительная сила общества: если они низки по уровню своего развития, то меньшим количеством прибавочного продукта можно содержать большее количество непроизводительных работников.

Перевод распределения на потребительстоимостную основу существенным образом изменил бы весь современный механизм и порядок формирования доходов, базирующихся на разделении доходов на заработную плату, прибыль (процент) и ренту. Дело в том, что общественный продукт, рассмат-

риваемый как результат конкретного труда, например, масса потребительных стоимостей, произведенных в течение года, далеко не совпадает со вновь созданной в данном году стоимостью, распадающейся на указанные виды доходов. Так, вновь произведенная стоимость, отнесенная к предметам индивидуального потребления и подлежащая распределению как таковая, меньше стоимости всей массы предметов потребления, поскольку в них содержится еще и стоимость превращенных в продукт средств производства и сырья.

Главное же состоит в том, что без выделения п о т р е б и т е л ь н о й ф о р м ы общественного продукта, без его деления (не стоимостного) на предметы индивидуального и производственного потребления нельзя обосновать реальный процесс воспроизводства общества, в частности, расширенное воспроизводство потребительной силы непосредственных производителей, приращение их благосостояния. Ведь распределение продукта в его стоимостной форме предполагает, что рамки индивидуального потребления рабочего совпадают со стоимостью необходимого продукта и с затраченным на ее производство необходимым рабочим временем, которые по мере роста производительности труда должны сокращаться. Вот почему и потребление, определяемое этими стоимостными формами, неизбежно должно уменьшаться. Потребительно-стоимостная формула позволяет избежать этого, а расширенное воспроизводство рабочей силы и, следовательно, индивидуальное потребление здесь ставятся на первое место при распределении общественного продукта. Тем самым преодолевается остаточный принцип, согласно которому продукту, предназначенному для индивидуального потребления, в распределительной схеме отводится последнее место.

К сожалению, в этом духе, т.е. в стоимостном смысле, в литературе чаще всего трактуется порядок распределения общественного продукта, содержащийся в “Критике Готской программы”. Упускается из виду, что К. Маркс при перечислении вычетов из общественного продукта ставит на по-

следнее место часть предметов потребления, распределяемых между индивидуальными производителями, исключительно для того, чтобы опровергнуть тезис Ф.Лассалья о “неурезанном трудовом доходе”, чтобы доказать, что этот доход действительно урезается. Из этого не следует, что К. Марксом отрицается необходимость первоочередного развития подразделения производства, создающего предметы потребления и приоритет воспроизводства самого производителя по сравнению с воспроизводством средств труда. Наоборот, в схемах воспроизводства, отражающих движение потребительной формы продукта, на первое место ставится подразделение, производящее предметы индивидуального потребления.

Да и в самом тексте “Критики Готской программы” четко разграничиваются два смысла “т р у д о в о г о д о х о д а” – доход как п р о д у к т т р у д а и как с т о и м о с т ь этого продукта (в последнем случае должны различаться вся стоимость продукта и ее вновь созданная часть). К. Маркс, говоря о распределении в будущем обществе, имел в виду не стоимость, а потребительную стоимость распределяемого совокупного общественного продукта. В таком случае распределение предметов индивидуального потребления должно быть осуществлено до фазы производства. Иначе человек не может вступать в производство: его индивидуальный труд должен непосредственно, с самого начала существовать как составная часть совокупного труда и вознаграждаться тоже непосредственно. Этого не происходит, если производители обменивают свои продукты в качестве стоимостей.

Лишь после того, как распределением выполнено первое условие производства – обеспечено надлежащее содержание производительного работника и его семьи (воспроизводство рабочей силы общества), может идти речь о распределении другой части предметов индивидуального потребления, необходимых для удовлетворения совместных потребностей и для развития личности. Когда выполнены условия воспроизводства самих людей, решается

вопрос о восстановлении средств и материалов труда и расширенном их воспроизводстве, о дальнейшем обеспечении роста благосостояния и развития членов общества.

И ранее, и ныне у нас распределение предметов индивидуального потребления по труду осуществляется на базе старого принципа — на основе личной (частной) собственности рабочего на свою рабочую силу, сдаваемую в наем. Рабочая сила находится на положении товара, а труд — на положении наемного труда. В результате собственность на рабочую силу как на товар и частнотоварный способ распределения предметов индивидуального потребления вошли в непримиримое противоречие с общественной собственностью на материальные средства производства: непосредственные производители все более отчуждались от общественной собственности, становились безразличными к ней и враждебными к ее реальным распределителям — государственному управленческому аппарату.

Социальная справедливость оказалась перед дилеммой — как осуществлять распределение: либо по труду, который равен стоимости жизненных средств, рабочей силы, либо по труду, определяемому потребительной стоимостью жизненных средств. В первом случае мы имеем дело с **с т о и м о с т н о й ф о р м о й** реализации принципа распределения по труду, т.е. рабочему возмещается стоимость его рабочей силы, он получает лишь ту часть созданного им же продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы. Прибавочный продукт, доставляемый его трудом, не включается в этот эквивалент, а присваивается другими. Это означает, что исключается сама возможность развития и роста благосостояния рабочего.

При господстве системы найма практически весь прибавочный продукт забирает наниматель — таков закон отношения найма, закон поведения нанимателя. Отношение стоимостей при обмене труда на продукт выступает по существу отношением эксплуатации. Собственность рабочего на свою ра-

бочую силу неизбежно предполагает наемный труд, отчуждение рабочего от прибавочной части продукта своего труда – его эксплуатацию. Если наниматель не присваивает прибавочный продукт рабочего, то рабочий ему просто не нужен. В свою очередь, рабочий, имея бы он такую же собственность, как и наниматель, не стал бы вступать с ним в отношения найма.

Нужен н о в ы й к у р с реального обеспечения социальной справедливости. К в и н т э с с е н ц и я е г о – распределение жизненных средств по законам потребительной стоимости. Особенность рабочей силы как потребительной стоимости, в отличие от ее стоимости, состоит в том, что реализация первой предполагает доставление рабочим большего количества труда, чем затрачивается на производство его жизненных средств. Рабочий может с полным основанием претендовать не только на тот объем жизненных средств, который равен стоимости его рабочей силы, но и на дополнительное количество жизненных благ и средств развития, доставляемых его же живым трудом. То, что рабочий получает часть прибавочного продукта в качестве своего дохода, он обязан уже не только своему труду, но и своей собственностью на средства производства, тому, что он является работающим собственником. Здесь главное в том, что собственность на средства производства есть условие собственности на продукт своего труда.

Если общественная собственность ограничивается в своей реализации (аренда, кооперативы), то многие общие блага, предназначенные для совместного потребления (образование, медицинское обслуживание), перестают быть достоянием каждого члена общества, его непосредственной собственностью, переходят в разряд платных услуг, равное пользование которыми общество уже не обеспечивает. Рост объема платных услуг рассчитан на имущественную дифференциацию граждан, на еще большую социальную несправедливость для трудового народа.

Всякое преимущество в собственности, предоставленное отдельному коллективу, человеку, неизбежно наносит вред другим коллективам. Вот почему необходимо, чтобы коллективная собственность выступала как индивидуальная, т.е. как собственность каждого. Нет никакой нужды раздавать средства производства, передавать их в частную собственность, для этого достаточно предоставить право самим трудящимся распоряжаться тем продуктом, в который они превращают средства и предметы труда, право претендовать на долю дохода от собственности на средства производства, задействованные в создании продукта. Чтобы не оказаться в кризисе, необходимо было бы разрешить противоречия, вызвавшие кризис, а именно, – противоречие между обобществлением производства, общественной собственностью на его материальные средства, с одной стороны, и наемным характером труда, приводящего их в действие, с другой. Социализма не будет, если рабочая сила останется и впредь товаром, а рабочий – собственником лишь своей рабочей силы. В условиях рынка рабочей силы, т.е. дальнейшего углубления наемного характера труда, невозможно гарантировать освобождение и от другого следствия наемного труда – безработицы. Без преодоления самого наемного труда невозможно гарантировать и право на труд – это реальное завоевание народа. Наличие наемного труда – не принцип социализма, а государственно-бюрократическая форма организации труда, присущая государственно-капитализму, когда наймом занимается не отдельный предприниматель, а государство как орган управления, представляющий всех нанимателей.

Избавиться от всего этого рабочие смогут, если, осуществляя свою власть, откажутся вступать в отношения купли-продажи своей рабочей силы, активно выступая против рынка рабочей силы. Они вполне обоснованно могут отказываться от участия в работе предприятий, в которых частные собственники явились бы хозяевами, а рабочие – их наемной рабочей силой. Рабочие

коллективы могут сами взять на себя функции коллективного собственника и превратить данное предприятие в народное, собственное предприятие. Они могут не согласиться и с тем, что переход к отношениям рынка рабочей силы и к массовой безработице неизбежен, что им нет альтернативы.

Глава III. К НАРОДНОЙ ВЛАСТИ НА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. Непосредственно общественное производство – экономическая основа Советской власти

Анализ уроков становления, развития и временного поражения социализма в России показывает, что важнейшими причинами ослабления социализма и временной утраты его завоеваний были следующие.

Большинством правящей партии и большинством народа не был осознан советский принцип организации власти как власти, формируемой в трудовых коллективах. Так что в этом плане народ на поверку оказался не вполне советским, хотя в целом оправданно так назывался. Советский характер власти был вроде бы юридически закреплен, но лишь по форме, а не по существу. Слово Советы стояло и в Конституции РСФСР 1918г., и в Конституции СССР 1924г., однако избрание депутатов через трудовые коллективы, что только и делает избираемые органы **Советами**, не было в этих основополагающих документах закреплено.

Организация власти не была увязана с организацией экономической жизни общества таким образом, чтобы с развитием экономики социализма соответственно укреплялись бы и материальные основы участия непосредственных производителей в формировании и осуществлении своей власти.

В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. фактически действовавший принцип избрания и отзыва депутатов трудовыми коллективами был заменен территориальным. Сохранилось лишь выдвижение коллективами кандидатов в депутаты.

Экономической реформой 1965 г. принцип работы на общество и удовлетворения потребностей всех его членов был заменен принципом максимизации прибыли отдельных производственных единиц. Тем самым стала размываться и подрываться экономическая основа Советской власти. Этим во многом объясняется недостаточность масштабов активного сопротивления ликвидации народной власти.

Социализм разрушился в конечном итоге из-за того, что был взят и стал последовательно осуществляться так называемый курс на рынок и приватизацию. Этот по сути антисоветский и антипартийный курс, принятый апрельским пленумом ЦК КПСС 1991 года, привел к ликвидации КПСС и СССР.

К чести советской экономической науки следует отметить, что данный губительный для страны курс не был одобрен ни одним крупным экономическим совещанием и ни одной научной экономической конференцией. Более того, достаточно громко и отчетливо звучали голоса тех экономистов, кто отстаивал непосредственно общественный характер социалистического производства и предупреждал, что попытки построить социализм на товарной основе равносильны его уничтожению. Это достаточно ясно было показано в работах Н.В.Хессина, А.М.Еремина, Н.А.Цаголова, Н.А.Моисеенко, А.К.Покрытана, А.А.Сергеева, В.Я.Ельмеева, В.Г.Долгова, Р.И.Косолапова и других. Вот почему предательская горбачевско-яковлевская верхушка партии могла опереться только на отдельных проходимцев от экономической науки, чтобы попытаться навязать партии и стране разрушительный курс, помимо его хотя бы внешнего научного обоснования. Принятие XXVIII

съездом партии курса на рынок пришло в вопиющее противоречие с ее коммунистической природой и означало по существу ее самоубийство. Вследствие этого незаконная приостановка деятельности КПСС президентским указом по существу лишь подвела итог ее перерождения. Тем более что подписал указ выросший в недрах партийного аппарата махровый номенклатурщик, бывший первый секретарь сначала Свердловского обкома, затем Московского горкома, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

На горьком опыте разрушения страны и обнищания народа осознается теперь ошибочность представлений, что на основе товарного производства и закона стоимости можно якобы построить социалистическое общество. А ведь разжевывал же К. Маркс и не раз ту мысль, что на основе стоимости и денег невозможен контроль объединенных индивидов над своим производством, что речь должна идти о производстве, диаметрально противоположном товарному. [32]. Энгельс высмеивал попытки Дюринга построить социализм на основе «справедливого» обмена товарами и конституированной стоимости. [33]. В.И. Ленин в замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» не случайно подчеркивал, что продукт при социализме идет в потребление не через рынок. [34]. В «Наказе от СТО местным советским учреждениям» он разъяснял, что государственный продукт, продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром. [35].

После осуществления коллективизации у нас стало не две собственности, а две формы одной, общественной собственности и встречное движение общественного продукта между городом и деревней уже нельзя было, строго говоря, подводить под категорию обмена, который есть **взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения**. Сущность производства стала про-

тивоположной товарной. Она стала непосредственно общественной, и в каких бы являющихся формах, заимствованных во многом из товарного прошлого, эта сущность ни выступала, производство в целом нельзя было уже характеризовать иначе как **непосредственно общественное**, продукт которого и труд в котором **не посредством обмена, а непосредственно**, с самого начала выступают и являются общественными. [36].

И.В.Сталин в целом придерживался этих марксистско-ленинских позиций. Он развил их в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Однако в этой книге он проявил и непоследовательность. Так, подчеркнув, что средства производства не являются товарами, он объявил товарами предметы потребления. Но тогда получалось, что сущность социалистического производства – дуалистическая, нетоварно-товарная. Если предположить, что предметы потребления – товары, то они, выходит, производятся не для удовлетворения потребностей, а для обмена. Работник же в обмен на идущий к нему в потребление товар может дать только свою рабочую силу. Его рабочая сила тогда тоже товар. А такое товарное производство, при котором рабочая сила является товаром, называется капитализмом. Переход к капитализму поэтому логически следует из посылки о том, что предметы потребления при социализме – товары. Ошибочно и утверждение, что при социализме действует закон стоимости. Ведь закон и сущность – категории однопорядковые. Поэтому утверждение о действии при социализме закона стоимости равносильно утверждению о товарной сущности социалистического производства. Не случайно, что Кронрод, Либерман, Ракитский, Петраков, Абалкин и другие певцы товарного производства при социализме ухватились именно за эти отступления от строго выдержанной марксистской теории, имевшиеся у Сталина, возвели их в принцип и в рамках экономических дискуссий готовили ликвидацию социализма.

Таким образом, либо мы имеем социализм как непосредственно общественное производство – производство потребительных стоимостей, регулируемое законом потребительной стоимости, либо имеем дело с производством стоимости, т.е. с товарным производством, естественным развитием которого является товарно-капиталистическое производство. Можно, конечно, говорить о том, что и при социализме есть товарное производство в виде производства на колхозный рынок. Это так. Но цены на колхозном рынке регулируются не пресловутым законом стоимости, а ценами на продукцию государственных предприятий. Цены же на продукцию государственных предприятий определяются планомерно на основе затрат на производство с учетом потребительной стоимости непосредственно общественных продуктов.

Социалистическое производство есть непосредственно общественное производство, производство потребительной стоимости, а не стоимости. Это научная истина. Попытка построить социалистическое товарное хозяйство, т.е. вернуться к производству стоимости, неизбежно ведет к уничтожению социализма. Теперь это не только научно установленный, но, увы, и опытным путем исторически проверенный факт.

Социализм, следовательно, – непосредственно общественное хозяйство. Это не производство товаров, стоимостей, а производство непосредственно общественных продуктов, потребительных стоимостей. Соответственно и регулятором социалистического производства является не закон стоимости, а закон потребительной стоимости.

Что это означает применительно к социалистической власти? Это означает, что поскольку **цель социалистического производства – обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества**, развитие трудящихся как членов общества входит в цель производства. Если капиталистическое товарное производство как производ-

ство прибавочных стоимостей требует отнимать у трудящихся свободное время и другие условия их свободного развития, то социалистическое непосредственно общественное производство требует достигнутой за счет технического прогресса экономии рабочего времени превращать не только в дополнительные материальные блага для работников, но и в **дополнительное свободное время** для их всестороннего развития, в том числе и для развития их как участников государственной жизни и государственного управления. А этого-то в последние десятилетия существования СССР как раз не происходило.

Задача социализма состоит вовсе не в том, чтобы лишь провозглашать власть трудового народа, а в том, чтобы трудовой народ имел реальную, практическую возможность осуществлять эту власть. А если рабочий 8 часов стоит у станка и может принять участие в управлении государством только по окончании рабочего дня, когда закрываются двери советов и исполкомов, райкомов и горкомов, то тогда народная власть лишь провозглашается, и остается лишь надеяться на то, что наемный аппарат государственных служащих будет все же (почему-то) действовать именно в интересах рабочего класса и всего общества в целом. Однако будучи бесконтрольным, аппарат управления неизбежно перерождается и из средства управления в интересах трудящихся превращается в свою противоположность, что мы и видим на примере печальных и трагических событий в нашей стране.

Размышляя теперь о путях возрождения Советской власти, мы не можем думать только о том, как возродить Советы и восстановить Советскую власть. Можно поставить вопрос и по другому. А стоит ли ее устанавливать, если она вновь переродится во власть номенклатуры, а народ, пожив какое-то время по-человечески, вновь будет ввергнут в пучину лишений и нищеты какими-нибудь новыми горбачевыми. Если уж возрождать Советскую власть, то на такой экономической основе, которая бы укрепляла Советскую

власть, способствовала бы усилению Советского государства, а тем самым, с расширением участия трудящихся в государственном управлении и отмиранию всякого государства вообще, переходу к коммунистическому общественному самоуправлению.

Вопрос об участии трудящихся в осуществлении своей, Советской власти, мы должны ставить не как идеалисты, а как материалисты. Дело не в том, чтобы призвать трудящихся к участию в государственном управлении, а в том, чтобы у них для этого было время (и не за пределами рабочего дня), притом время, оплачиваемое по среднему. Вот это и будет выражением того, что трудящиеся – не наемные работники у стоящего над ними государства, а полноправные собственники общественных средств производства.

История революции и контрреволюции в России показала, что прогресс в развитии производительных сил, в росте производительности труда должен сопровождаться не уменьшением численности непосредственных производителей и соответственным увеличением численности работников непроизводственной сферы, а увеличением свободного времени рабочих и крестьян, в том числе времени, свободного для участия в государственном управлении. Численность рабочих и крестьян может вообще не уменьшаться вплоть до полного уничтожения классов, вплоть до полного коммунизма. Важно лишь, чтобы с развитием производства росло не только материальное богатство общества, но увеличивалось бы **свободное время** всех работников как время для их свободного развития. И как только свободное время в количественном отношении превысит рабочее время, определяющим для человека будет не то, что он делает в свое рабочее время, а то, что он делает в свое свободное время. Это и будет означать полное уничтожение классов, т.е. деления людей на группы в зависимости от положения в производстве.

Таким образом, для развития социализма и укрепления Советской власти нужно не такое производство, которое пожирало бы свободное время

работников и производило стоимость, а такое, которое бы производило потребительную стоимость, в своем развитии обеспечивало бы экономию рабочего времени и предполагало бы превращение сэкономленного времени в свободное время непосредственных производителей. Цель такого производства – обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Эта цель социалистического производства не случайно была записана и в первой, и во второй программе партии, пока живы были марксистско-ленинские традиции в партии, пока еще действовали идеалы социальной справедливости. Исчезла ленинская формулировка цели социалистического производства при составлении третьей – хрущевской ревизионистской программы партии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г. На арену выходил уже возвращенный в недрах партии класс номенклатурных собственников.

В непосредственно общественном хозяйстве при производстве предметов потребления и средств производства имеются существенные различия. И те и другие, и предметы потребления, и средства производства суть не товары, а непосредственно общественные продукты, но их общественная роль неодинакова – производство предметов потребления создает материально-вещественные условия все более полного развития членов общества и сокращения социального неравенства между ними, а производство средств производства напрямую служит экономии рабочего времени и может рассматриваться как производство свободного времени для свободного развития всех членов общества. По отношению к предметам потребления сокращение затрат труда на их производство выступает как результат внедрения трудосберегающей техники, а само свойство сберегать труд – это полезное свойство техники, ее потребительная стоимость.

Можно сказать, что техника, с экономической точки зрения, больше ни для чего не нужна, кроме как для экономии рабочего времени или, дру-

гими словами, всякая экономия, которую она дает, сводится к экономии рабочего времени. Средства производства в социалистическом непосредственно общественном хозяйстве производятся не для того, чтобы их продать и получить стоимость, а для того, чтобы сэкономить труд тех, кто будет применять эту технику, т.е. труд ее потребителей. Потребительная стоимость техники – это экономия труда тех, кто работает с этой техникой, кто заменил этой техникой прежние, менее трудосберегающие экземпляры.

Экономия труда у потребителей техники позволяет им распорядиться этой экономией двояко – не только выпустить дополнительное число предметов потребления, но также при этом сократить рабочее и увеличить свободное время.

Не исключена ситуация, когда непосредственные трудозатраты на производство техники возрастают. Но действительно новой, прогрессивной техникой можно по критерию ее потребительной стоимости считать только такую, которая дает у потребителей экономию труда большую, чем возрастают затраты на ее производство. Другими словами, итоговая, результирующая, чистая экономия в результате замены техники, т.е. валовая экономия за вычетом затрат труда на производство и эксплуатацию техники, должна быть положительной.

Можно сказать, что по пути производства потребительной стоимости так или иначе, но в настоящее время идет и товарно-капиталистическое производство, которое является непосредственно производством прибавочной стоимости. Но в том-то и дело, что это имеет место не в соответствии, а в противоречии с его товарной, стоимостной сущностью. Капиталист непосредственно стремится к увеличению стоимости производимого продукта ради увеличения прибавочной стоимости, а как производство абсолютной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится поглощать все время непосредственных производителей. Как производство отно-

сительной прибавочной стоимости капиталистическое производство стремится передвинуть границу между необходимым и прибавочным трудом таким образом, чтобы увеличивалась прибавочная стоимость, и делает это путем развития производительных сил на основе технического прогресса. Но экономию труда капитализм стремится использовать не для увеличения свободного времени всех членов общества, а для увеличения стоимостного богатства и свободного времени собственников средств производства – капиталистов. Рабочим же сокращения их рабочего времени и увеличения свободного приходится добиваться стачечной борьбой. Что они с успехом и делают. На повестке дня в Европе 35-часовая рабочая неделя.

Укрупнение монополий означает, что расширяются те острова в море рыночной стихии, где не действует стоимостной принцип и господствует потребительностоимостной. Так что товарно-капиталистическое производство по мере своего развития постепенно втаскивается в иной – потребительностоимостной мир, хотя в целом остается миром господства стоимости. Прогресс производительных сил в рамках капитализма, подспудно идущая работа по экономии общественного труда создают предпосылки для того, чтобы рабочий класс вместе со своими союзниками сначала вернул себе достаточно свободного времени для организации революционной борьбы, затем взял власть и использовал ее для экономического переворота – для перехода от производства стоимости к производству потребительной стоимости и для закрепления потребительностоимостной ориентации производства.

Критерием деятельности государственных предприятий при социализме должна быть не прибыль, а противоположная ей величина – экономия труда. Показателем оценки работы предприятий, выпускающих предметы потребления, должна стать сумма снижения цен на выпущенную продукцию. Предприятия же, производящие средства производства, должны оцениваться

по той экономии, которую получают потребители выпускаемой ими техники.

Производители предметов потребления тогда будут материально поощряться за удешевление продукции и увеличение ее количества и всякий новый предмет потребления, лучше удовлетворяющий данные потребности или удовлетворяющий новые потребности, как только производство его будет освоено, также попадет в поле снижения цен и увеличения количества производимых продуктов. **Производители средств производства** будут поощряться в прямой зависимости от той экономии, которую получают потребители их продукции в процессе ее применения. И пусть богатеют производители, но за счет обогащения общества, всех его членов.

Если будет расти богатство общества и увеличиваться свободное время его членов, основа для участия в формировании и осуществлении Советской власти будет становиться более прочной. Сама экономика будет способствовать усилению и укреплению Советской власти.

Таким образом, экономической основой развивающейся и укрепляющейся Советской власти является непосредственно общественное производство – производство потребительной стоимости.

2. Трудовые коллективы – основные ячейки народной власти

Контрреволюционные события в России, временная потеря власти трудящимися заставляют к вопросу возрождения народной власти подходить несколько по иному, чем ранее. Какой должна стать власть трудящихся, чтобы ее было труднее расшатать и разрушить? Вот как теперь стоит вопрос. Причем, какой она должна быть, чтобы ее нельзя было разрушить не только в ближайшее время после ее установления, но и через десятки лет, чтобы не повторился в очередной раз контрреволюционный переворот тогда, когда, казалось бы, сама возможность его ушла в глубокое прошлое.

Социалистическая власть должна быть по сути своей диктатурой пролетариата. Это общий ответ на поставленный вопрос. И этот ответ классики марксизма ставили себе в особую заслугу. По этому вопросу проходит водораздел между марксистами и ревизионистами. И отказ от признания диктатуры рабочего класса равносителен отказу от марксизма и социализма. История подтвердила эту истину вполне, в том числе и история Советского Союза. Ревизионистский переворот произошел на XXII партсъезде, выбросившем из партийной программы коренное положение марксизма — о диктатуре пролетариата.

Можно сказать, что в настоящее время после периода всеобщего ревизионистского заражения, катализатором которого послужил хрущевизм, во всем мире успешно идет становление новых коммунистических и рабочих партий, которые извлекли урок из попыток отказа от главного в марксизме и положили учение о диктатуре пролетариата в основание своих программ и всей своей теоретической и практической политической деятельности.

И все же, как говорится, радоваться рано. Само по себе признание диктатуры пролетариата еще недостаточно. Надо еще признать и ту форму, которая ей соответствует и благодаря которой диктатура пролетариата не разрушается, а укрепляется и развивается в коммунистическое общественное самоуправление, обеспечивая уничтожение деления общества на классы, а вместе с ним и отмирание государства как организованного насилия одной части общества над другой.

История показала, что соответствующей диктатуре рабочего класса формой государственной власти является власть, формируемая в трудовых коллективах, а не избираемая по территориальным округам. Когда во Франции в 1871 г. впервые в истории была установлена диктатура пролетариата, адекватная диктатуре пролетариата форма власти себя еще не проявила. Сущность диктатуры пролетариата как власти класса городских, фабрично-

заводских, промышленных рабочих явила себя в Париже в 1971 г. впервые и, не успев закрепиться в соответствующей форме, исчезла с исторической сцены как пролог другой, Великой Октябрьской социалистической революции в России 1917 г., установившей диктатуру рабочего класса **в форме Советской власти.**

Российская революция явила собой достойный подражания образец длительной исторической работы рабочего класса и его партии в недрах старого строя над созданием новой власти. Сначала в 1905 г. в итоге забастовочной борьбы иваново-вознесенских рабочих были открыты Советы. Не только как органы руководства забастовочной борьбой, но и как органы народной власти, являющейся по сути своей диктатурой рабочего класса. Если бы рабочий класс России не сделал этого всемирно-исторического открытия, дело социалистической революции, дело создания и развития социализма было бы делом безнадежным.

Суть в том, что единственной материальной основой социализма является крупная машинная индустрия, и если народная власть не связана с ней, не базируется на ней, не черпает прямо и непосредственно из нее силы для своего укрепления и развития, она рано или поздно будет сметена превосходящими силами классового противника. И напротив, если она прочно базируется на фабриках и заводах, если она растет и укрепляется вместе с развитием экономики, дело Советской власти, дело диктатуры рабочего класса, дело социализма становится делом исторически непобедимым.

Диктатура рабочего класса, таким образом, является противоположностью диктатуры буржуазии не только по существу, но и по форме своей организации.

Буржуазия организует свою власть по видимости как всенародную, осуществляет избрание депутатов в парламент на основе всеобщего избирательного права, но по территориальным округам, где господствует власть

денег. И хотя избрание отдельных представителей трудящихся в парламент и при такой форме власти удастся осуществить, власти трудящихся при такой системе организации выборов достичь невозможно.

На философской стороне этого вопроса стоит остановиться. Исторический материализм учит, что **общественное бытие определяет общественное сознание**. Это означает, что экономический строй общества определяет его идеологическую надстройку. Буржуазному господству в сфере экономики соответствует и господство буржуазной идеологии в общественном сознании. Голосуют же люди, руководствуясь своим сознанием, так что при всеобщем избирательном праве и всеобщем голосовании большинство голосов будет отдано кандидатам буржуазии. Опыт подтверждает это практически без исключений. И этот же опыт говорит, что если вдруг избирательная машина даст сбой, то в ход будут пущены иные, в том числе силовые средства, ибо они также в руках господствующего класса и он их без ожесточенной борьбы иному классу, конечно, не отдаст.

Как же быть в этой ситуации? Значит ли это, что нужно отказаться от участия в выборных компаниях и избирательной борьбе? Нет, не значит. Другое дело, что на участие в выборах в представительные органы и в их деятельности надо смотреть как на одно из средств организации трудящихся, ведя дело к созданию Советов на фабриках и заводах, к поддержке их деятельности не только с помощью профессиональных союзов и партии рабочего класса, но и с помощью депутатов, имеющих право и возможности работы в трудовых коллективах по созданию Советов. Однако избирательная и парламентская деятельность не может быть ядром политической деятельности действительно революционной партии. Ядром ее работы должна быть организация Советов на предприятиях как будущих органов новой, социалистической власти, а в настоящем как органов коллективного самоуправления трудящихся, органов их борьбы за самые насущные интересы.

Только тогда, когда на крупнейших предприятиях будут функционировать Советы, сформированные из представителей коллективов подразделений, когда они будут связаны друг с другом в масштабах городов и областей через городские и областные Советы, а масштабах России – через Российский комитет рабочих, объединяющий представителей рабочих организаций, когда они создадут свои органы поддержания порядка и противодействия насилию – рабочие дружины, только тогда вопрос о переходе власти к Советам может встать в практической плоскости. Без этого все разговоры об изменении характера власти – пустая болтовня.

Характерно, что в России в 1917 г. одновременно шли два избирательных процесса – выборы в Учредительное собрание и в Советы. Выборы в Учредительное собрание дали большинство мелкобуржуазным партиям меньшевиков и эсеров, а выборы в Советы – большевикам, партии рабочего класса. Большевики правильно делали, что не отказывались от выборов в буржуазный парламент и от использования возможностей выборной кампании для своей агитации, но агитировали они прежде всего за создание власти Советов и затем – за переход к Советам всей власти.

Опыт нашей революции учит, что социалистической революции предшествует период двоевластия, когда одновременно существуют органы буржуазного господства – **буржуазный парламент** – и органы будущей новой власти – **Советы**, съезд которых, собрание или комитет представителей призваны установить новую власть.

При наличии Советов как органов будущей власти, готовых к исполнению функций нового государственного аппарата, всеобщая политическая стачка, о которой много пишется и говорится, может послужить переходу власти от буржуазии к рабочему классу, от буржуазного парламента к власти Советов. Если же Советов, поддержанных рабочими дружинами, нет, а в ходе забастовки выдвигается требование об отставке правительства, президента

или того и другого, то даже если такая отставка произойдет, это не изменит сути власти. Ведь смена лиц не означает смены класса у власти. Разъясняли же и даже разжевывали Маркс, Энгельс и Ленин как для маленьких детей, что нельзя просто взять старую государственную машину и пустить в ход для новых целей. Надо ее сломать, разбить и построить новый государственный аппарат, способный осуществлять интересы рабочего класса. Советы, избираемые в трудовых коллективах, и представляют собой этот новый государственный аппарат, приходящий на смену старому, буржуазному.

Однако эти истины очень трудно внедряются в умы и очень многие по-прежнему верят в сказки об избрании нового, хорошего президента и назначение нового, хорошего правительства. Что же касается самих парламентариев, то их наиболее распространенная болезнь – парламентский кретинизм, выражающийся в наивной вере, что в стенах парламента можно решить коренные вопросы жизни народа. На самом же деле коренные вопросы жизни народов всегда решались за рамками парламентов, самой ожесточенной классовой борьбой, а то и гражданской войной. И чем меньше предаются парламентским иллюзиям рабочие и крестьяне, создающие свои Советы, чем лучше они организованы и подготовлены, чтобы сломить неизбежное сопротивление буржуазии, тем меньше опасность гражданской войны. Наоборот, если озаботиться тем, как разоружить рабочих и как убаюкать их сказочками о добропорядочных и честных буржуа, неизбежно самое зверское избиение народа. Это вполне подтвердили события в Чили и в России.

Таким образом, диктатура рабочего класса в качестве своей адекватной формы имеет власть Советов, избираемых в трудовых коллективах. Это проявляет себя не только в период установления и утверждения новой власти, но это верно и применительно ко всему периоду социализма до полного уничтожения классов и отмирания государства. В разработанной В.И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б) Программе партии было записано: «избира-

тельной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)». [37].

Как это организовать практически? Например, так. В коллективах предприятий по подразделениям выбираются Советы коллективов с правом отзыва и замены их членов в любое время по инициативе избравшего их коллектива подразделения. Из представителей Советов предприятий образуются городские, областные советы также с правом отзыва и замены в любое время представителей Советов предприятий по инициативе направившего их Совета. Съезд Советов или Комитет представителей городских и областных Советов образует высший законодательный орган власти, назначающий правительство и определяющий внутреннюю и внешнюю политику страны.

Как при этом обеспечить равное представительство? Численность трудовых коллективов ведущих предприятий может быть взята за масштаб для установления единой для города нормы представительства. Скажем, если от 1 тыс. работников направляется в городской Совет 1 человек, то при численности трудового коллектива в 5 тыс. человек он избирает 5 депутатов. И наоборот, если численность коллектива менее тысячи человек, он объединяется с другими малыми коллективами до размеров тысячного производственного округа.

Неработающие граждане при этом могут либо включаться в какой-либо производственный округ (по месту прежней работы, например, или по принципу территориальной близости), либо направляют представителей от комитетов неработающих граждан по единой норме представительства, чтобы каждый такой депутат представлял, скажем, 1 тыс. неработающих граждан. Тем самым обеспечивается всеобщее избирательное право.

При этом если Совет основной ячейки государственного строительства, завода или фабрики, отзываает своего представителя из городского Сове-

та, то он автоматически лишается соответствующего мандата, а, заодно и права представлять городской совет в высшем органе государственной власти, если такое право ему было дано. Практическая осуществимость и легкость отзыва депутатов, избранных трудовыми коллективами, позволяет вести эффективную борьбу с карьеризмом и бюрократизмом и постепенно, на основе не только программ и обещаний, но, главное, практического опыта отбирать наиболее соответствующих власти рабочего класса членов представительных органов государственной власти.

Желательно депутатов сделать полуосвобожденными. Если рабочий из 5 рабочих дней 3 дня в неделю будет депутатствовать, он уже не будет рабочим, оторвется от коллектива, но не станет и интеллигентом, профессионалом, превратится в объект для манипулирования со стороны прожженных политиканов. Если депутат-рабочий вообще не будет иметь свободных дней для своей депутатской деятельности, он превратится в свадебного генерала – депутата, которого по праздничным дням сажают за стол президиума, чтобы он олицетворял единение власти с народом. Самое же правильное, чтобы депутат, **оставаясь работать по своей специальности**, имел достаточно времени для приобретения профессиональных навыков в области государственного управления. Скажем, если рабочий 3 дня в неделю стоит за станком, а 2 дня занимается организацией трудящихся как депутат Совета, то он и от коллектива не оторвется, и постепенно освоит премудрости управленческого труда, включая и пользование ЭВМ и современными средствами связи. Разумеется, эти 2 дня, которые рабочий не занят материально производительным трудом, должны ему оплачиваться.

Между прочим уже и в практике современного капитализма имеется нечто подобное. Законом «О правовом режиме предприятия» в ФРГ предусмотрено, что на каждом предприятии с числом работников не менее пяти избирается производственный Совет, деятельность в этом Совете соверша-

ется в рабочее время с оплатой по среднему. Передовая буржуазия понимает, что в настоящее время, когда определяющим в экономике является внедрение достижений научно-технического прогресса, без заинтересованного участия в этом процессе непосредственных производителей научно-технический прогресс, а следовательно, и экономика будут буксовать. Другое дело, что в ФРГ производственные Советы в своей компетенции строго ограничены узкопроизводственными задачами и не имеют выхода ни к аналогичным Советам других предприятий, ни к какому-либо единому координирующему органу.

Потребительстоимостная основа производства позволяет и предполагает предоставление депутатам трудовых коллективов времени для осуществления управленческих функций. Но если такое время есть лишь у депутатов, они все равно отрываются от коллективов, а коллективы не могут играть основополагающую роль: ведь надо контролировать своих депутатов, надо давать им наказания и надо своевременно отзываться тех, кто не выполняет волю избравшего их коллектива. Все это предполагает время, причем время рабочее и оплачиваемое по среднему. Такое время должно предоставляться каждому работнику как минимум для участия в ежемесячном собрании коллектива с отчетом депутата.

Только тогда, когда будут налажены контроль избирателей за своим избранными, участие непосредственных производителей в деятельности государственных органов, Советская власть с полным правом сможет называться властью рабочих и крестьян. А если деятельность самих рабочих, крестьян, интеллигентов будет подменена деятельностью наемников – профессионалов, без которых, конечно, ни в коем случае обойтись нельзя, тогда мы вновь можем получить такую ситуацию, что реальную власть будут иметь не законодательные, а исполнительные органы и Советы явятся своего рода ширмой, прикрытием для тех, кто за ними или от их имени обделывает свои

делишки. Тогда возможен очередной рецидив восстановления частнособственных порядков, от которых теперь страдает наш народ.

Отсюда следует, что расширяющиеся с развитием производства потребительных стоимостей возможности в плане создания все более благоприятных материальных условий для участия всех членов общества в государственном управлении должны эффективно использоваться, а это, в свою очередь, будет способствовать развитию потребительностоимостного производства. Главное богатство общества – свободное время – будет все время расширяться и справедливо распределяться, не будучи узурпировано управленческой или интеллектуальной элитой. Вот тогда и будет идти процесс постепенного уничтожения классов и приближения к тому состоянию, когда все члены общества являются работниками, причем каждый уникален, и каков он, определяется не тем, чем он занимается в рабочее время, а тем, что делал и делает в свободное время. Вот это и будет действительный скачок из царства необходимости в царство свободы.

3. Путь возрождения народной власти

Известна истина о том, что есть три вида рабов. Один раб – это просто раб, он влачит свое жалкое существование, повинуюсь воле судеб. Другой настолько свыкся со своим рабским положением, что у него даже слюнки текут по поводу того, какой у него хороший хозяин, хороший господин. Это не просто раб, это холоп, хам. И есть третий вид раба – тот, который поднялся на борьбу со всей системой рабства и, хотя рабство еще не уничтожено, он уже не раб, он – революционер. До сих пор мы говорили о материальных условиях и основаниях участия трудящихся в управлении и самоуправлении, об устройстве Советской власти, но, разумеется, никто не даст нам избавленья от старой буржуазной власти, ни бог, ни царь и ни герой. Дело освобождения трудящихся – это дело самих трудящихся. На стороне их

справедливой борьбы и общая логика исторического прогресса, и наиболее просвещенные деятели науки и культуры. Однако без борьбы Советской власти ни создать, ни удержать нельзя, невозможно ни создавать, ни развивать экономику социализма.

И вот тут уместно будет вспомнить, чем научный социализм отличается от всех других видов социализма. Все другие критикуют, отрицают капитализм, но остаются сами в рамках капитализма, не выводят и не могут вывести из него трудящихся. Социализм-утопизм рисует красивые и даже во многом правильные и заманчивые картины, но не указывает пути к этому светлому будущему. И только научный социализм, почему он и называется научным, соединяет цель и путь ее достижения, указывая на главное средство и орудие этого исторического переворота. А таким средством и орудием является рабочий класс. И никакие разговоры о новом этапе, об НТР, об информационном взрыве и т.п. не отменяют этой решающей роли главной материальной силы социалистического переворота. Рабочий класс сам себя отменяет, приводя общество к полному уничтожению классов. Но не раньше. А до этого все попытки принизить роль рабочего класса тождественны попыткам затормозить общественно-исторический прогресс, законсервировать деление общества на классы и связанное с этим социальное неравенство, задержать историческое наступление на социальную несправедливость.

Разумеется, сказанное не должно пониматься столь примитивно, что каждый отдельно взятый рабочий прогрессивнее, например, любого отдельно взятого интеллигента. В.И. Ленин даже специально подчеркивал, что в рабочий класс еще нужно внести сознание, внести пролетарскую идеологию, а сам он по материальным условиям своей жизни, по недостатку времени для научного освоения накопленных духовных богатств не может выработать в условиях капиталистического рабства пролетарскую идеологию. С другой стороны, одиночки-интеллигенты, поднявшиеся до осознания всемирно-

исторической роли рабочего класса, могут повлиять на ход исторических событий, только встав сознательно на службу рабочему классу. Вот это соединение борьбы передовых рабочих с передовой идеологией, соединение рабочего движения с научным социализмом образует партию рабочего класса, его сознательный авангард и без нее рассчитывать на победу рабочего дела абсолютно нереально.

Ныне в России сегодня сложилась уникальная в своем роде ситуация: правящий класс хочет вроде бы создать добропорядочный буржуазно-демократический строй. Но этот строй предполагает участие в государственной жизни политических партий, без которых в политике никакого успеха достичь нельзя. В любой буржуазной стране одна из буржуазных или мелкобуржуазных партий при этом является правящей. Наши же доморощенные политики вознамерились управлять огромной страной вообще без правящей партии, а лишь командой, в которой они постоянно меняют игроков. Но политика – не футбол. Здесь «командой» не обойдешься. Не связанные ни идейно, ни организационно представители правящего класса в государственном аппарате при всеобщем экономическом, политическом и юридическом хаосе, набивают себе карманы, стреляют друг в друга и расползаются в разные стороны. Но если в России нет правящей партии, то это еще не значит, что никакая политическая партия не правит в России. Просто правит политическая партия другой страны, и это положение вполне устраивает тех, кто хочет раздробить и ослабить Россию, вывести ее из числа экономических и политических конкурентов и избавиться при этом от коммунистической опасности для грабящей весь мир буржуазии.

На другом классовом полюсе картина только по видимости лучше. Вроде бы имеется много коммунистических партий. Но коммунистическая партия по своему понятию – это авангард рабочего класса. А авангард класса – это не просто организация, объявившая себя партией, это такая организа-

ция, за которой класс идет. Однако рабочий класс в России пока на борьбу за свои интересы должным образом не поднялся, ни за какой группой с четко очерченной политической программой еще не идет, а потому и партия рабочего класса в России может считаться только находящейся в становлении. Многие рабочие полагают, что обойдутся без политики, но кто сознательно не участвует в политике, тот становится ее жертвой, ибо увернуться вообще от политики, которая есть отношение классов, невозможно. Многие интеллигенты радуются, что можно не ходить на партийные собрания, не выполнять никаких общественных поручений, не платить партийных взносов, а тем временем их лишают самой возможности их интеллигентского труда, наплевав на весь их опыт, знания и уникальные возможности. К власти пришли алчные люди, двоечники, неудачники, и проявить себя эти хапуги могут только в разрушении созданного народом, в присвоении и распродаже народного имущества и в предательстве своей Родины.

Положение в России и России в мире продолжает ухудшаться, и это заставит все большее число людей искать средства спасения. Правда, многие уповают на астрологию, на бога, на колдунов, на предикторов и прочую чепуху. Но умные и серьезные люди, как из рабочих и крестьян, так и из интеллигентов, рано или поздно осознают, что для того, чтобы спасти себя и свою страну, первое, что нужно сделать, это создать политическую партию рабочего класса и способствовать ее организующей деятельности.

Разумеется, при этом надо извлечь уроки из перерождения КПСС.

Прежде всего, надо освободиться от искажений и извращений марксизма-ленинизма, вроде гнилой идеи об общенародной партии и общенародном государстве или ревизионистской концепции развитого социализма. Необходимо работать над развитием марксистско-ленинской науки, тем более что карьеристы с этого поля убежали и теперь создались для развития марксизма-ленинизма прекрасные условия.

Партия рабочего класса, возглавляющая борьбу трудящихся за установление и осуществление Советской власти и социализма, должна ставить своей задачей обеспечение не своей власти, а власти рабочего класса, организованного в Советы, в деятельности которых марксистско-ленинская партия призвана играть организующую и направляющую роль, действуя через депутатов-членов партии, избранных от трудовых коллективов. Для этого партия в своей жизни должна последовательно проводить следующие принципы: во-первых, обеспечение большинства рабочих (как промышленных, так и сельскохозяйственных) в организациях и органах партии как в списочном составе, так и при принятии решений, и, во-вторых, направление партийных средств прежде всего на частичное освобождение рабочих от их основной деятельности для партийной работы по организации Советов в трудовых коллективах. Функцию содействия в борьбе с карьеризмом будет выполнять партмаксимум, устанавливаемый на уровне зарплаты хорошего рабочего.

Необходимо, чтобы партия работала в профсоюзах над решением жизненных проблем трудящихся – зарплата, условия труда и т.п. Без этого никогда класс за партией на серьезную борьбу не пойдет. Профсоюзы имеют материальные условия (помещения, связь, взносы) для организации трудящихся в Советы.

В настоящее время главное, чему партия должна научить рабочий класс России, – это вести организованную борьбу за свои интересы. Так например, Рабоче-Крестьянская Российская партия, стараясь следовать указанным выше принципам, разработала для этого Азбуку забастовочной борьбы, типовой текст коллективного договора, проект Трудового Кодекса России. Функционирующий при ее поддержке Российский комитет рабочих позволяет представителям рабочих организаций координировать свою борьбу в масштабах России независимо от партийной принадлежности участвующих в работе Российского комитета рабочих. Главное, чтобы делегировались ра-

бочие, представляющие действующие организации, чтобы можно было обмениваться опытом борьбы и выработать рекомендации на будущее.

Необходимо подчеркнуть, что именно стачечные комитеты являются зародышем и прообразом будущих органов Советской власти. Во-первых, это органы, созданные в коллективах самими трудящимися. Во-вторых, это органы властные, которые в состоянии руководить коллективом и поддерживать необходимый порядок. В-третьих, эти органы рождаются не в процессе голосования билетиками, а в ходе стачечной борьбы с администрацией, пытающейся ущемить интересы коллектива. И только такие, отстаившие себя в борьбе органы, и способны в перспективе взять власть.

В настоящий момент рабочий класс России находится в начале этого пути. Пока он еще не может отстоять даже своих прав продавца рабочей силы, которую можно использовать и месяц, и два, и три, вообще за нее не заплатив. А рабочим бесплатно никто ничего не дает. Но обучение в условиях реальной полуголодной жизни идет быстро и дело только за тем, чтобы этому процессу содействовать, помогать.

При общем движении страны к капиталистическому старому под лицемерные крики «к старому возврата не будет», при общем контрреволюционном откатывании назад постепенно набирала и набирает силу положительная, прогрессивная тенденция организации коммунистических сил России.

В 1989 году в Ленинграде усилиями обществоведов, объединенных в Общество научного коммунизма, рабочих и партийных работников, входящих в городской совет политклубов рабочих, был создан Объединенный фронт трудящихся России.

Объединенный фронт трудящихся выдвинул и при активной помощи газеты «Советская Россия» отстаивал принцип выборов в Советы через трудовые коллективы. Он добился на заседании Верховного Совета РСФСР внесения поправки в действовавший в то время Закон о выборах. На ее осно-

ве была проведена организация выборов в двух районах Москвы по производственным округам. Объединенный фронт трудящихся России вел активную кампанию за избрание президентом России альтернативного Ельцину кандидата и в ходе этой кампании способствовал сплочению социалистических сил.

Из партийных групп Объединенного фронта трудящихся выросло Инициативное движение коммунистов России, которые собирались на свои, инициативные съезды, вырабатывали программные документы и принимали резолюции, нацеливавшие здоровые силы партии на противодействие ревизионистской деятельности горбачевско-яковлевской предательской верхушки КПСС.

Инициативное движение коммунистов содействовало созданию Советов рабочих в Ленинграде, Москве, Нижнем Новгороде и других городах.

Оргбюро инициативного движения коммунистов боролось за сохранение здорового ядра КПСС, собирало решения партийных организаций об исключении из партии, проводящей антинародную политику антикоммунистической фракции Горбачева. Инициативное движение коммунистов представило свой проект Программы КПСС, противостоящий ревизионистскому проекту партии, изданному официально, опубликовало его в «Нижегородской правде», брошюрой и в газете «Молния» и выступило с ним на заседании Программной комиссии, предварительно проведя пикетирование здания ЦК КПСС.

Под давлением Инициативного движения коммунистов России была учреждена Коммунистическая партия РСФСР, в разработке программы действий которой участвовали члены Оргбюро Инициативного движения коммунистов. Представители Инициативного движения коммунистов, входящие в движение рабочие приняли активное участие в работе Учредительного съезда Компартии РСФСР, выступили на нем и направили своих представи-

телей в Центральный комитет. Инициативное движение коммунистов добилось создания газеты «Народная правда», сыгравшей выдающуюся роль в пропаганде патриотических, коммунистических идей в самый тяжелый для страны период и в организации прогрессивных сил для противодействия надвигавшемуся фашизму. «Народная правда» обеспечила становление Российской коммунистической рабочей партии, опубликовав ее программу, проекты Конституции РСФСР и Закона о выборах и отзыве депутатов, где закреплялся принцип выбора депутатов через трудовые коллективы.

Члены Оргбюро движения коммунистической инициативы выступили на XXVIII съезде КПСС и добились того, что треть делегатов проголосовала против курса на рынок как курса антисоциалистического, разрушительного для страны и губительного для КПСС.

На всю страну прозвучал со страниц «Советской России» голос Нины Андреевой, предупреждавший трудящихся о надвигающейся беде.

Приостановка деятельности КПСС в июле 1991 года и хвастливые заявления Ельцина во время его нахождения у хозяев за океаном об уничтожении коммунизма в России не могли остановить организации коммунистических сил. Уже осенью 1991 года были учреждены Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, Российская коммунистическая рабочая партия, Российская партия коммунистов и Союз коммунистов.

Российская коммунистическая рабочая партия отмежевалась от ревизионистской концепции развитого социализма и согласно своей Программе взялась за преодоление главного недостатка КПСС – отрыва от рабочего движения. Комиссия ЦК РКРП по рабочему движению сосредоточила работу на организации Советов рабочих. Эта главная линия деятельности получила в дальнейшем свое организационное оформление в Рабоче-Крестьянской Российской партии, учрежденной рядом членов РКРП в 1993 году.

В ответ на попытки мэра Санкт-Петербурга Собчака развернуть гонения на газету «Народная правда» решением Совета рабочих Ленинграда и при активном участии членов РКРП была организована блокада мэрии и прекращен вход в Смольный работникам мэрии и мэру Собчаку. Предводитель «демократов» вынужден был отступить, а «Народная правда» в 1996 г. сыграла активную роль по смещению проворовавшегося Собчака с поста главы администрации Санкт-Петербурга.

По решению Российского исполнительного комитета съезда Советов рабочих в 1992 году силами Советов рабочих Ленинграда, Москвы и Смоленска был опечатан и на один день закрыт Фонд Горбачева, что привело к лишению его здания на Ленинградском проспекте, за ним сохранились лишь отдельные помещения, была вскрыта и обнародована идеологически-диверсионная деятельность Фонда как центра империалистического влияния в России.

РКРП организовало массовое народное движение «Трудовая Россия», которое многотысячными акциями выразило широкий протест антинародным реформам в России и вместе с другими патриотами выступило на защиту Дома Советов, противодействуя фашизации режима.

Силой разогнав высший орган законодательной власти, режим продемонстрировал свою преступность и доказал, что добровольно с исторической сцены не уйдет. Ни шествия, ни походы, ни выборы не заставят его отдать власть народу. Народ призван повторить подвиг 1917 года, создать органы народной власти – Советы, сетью Советов охватить Россию и рабочими дружинами подкрепить их авторитет. Нам предстоит вновь пережить период двоевластия, когда старый режим будет пытаться остановить возвышение органов новой народной власти, но не сможет этого сделать. Двоевластие завершится переходом всей власти в руки Советов и тогда Россия вновь продолжит шествие по пути социального прогресса.

А пока в недрах общества идет борьба за сохранение отечественного производства и трудовых коллективов как ячеек возрождения России. Аграрный союз при поддержке всех прогрессивных движений отстоял коллективные формы хозяйствования на земле и успешно противостоит при содействии фракции КП РФ Государственной Думы попыткам пустить с молотка народную кормилицу – землю. Ширится забастовочное движение рабочих. У правительства денег на зарплату нет, а есть лишь средства на материальное поощрение бастующих, так что вал забастовок, создающих одновременно и органы самоуправления коллективов – стачкомы, будет нарастать. А организационные формы координации рабочего движения уже имеются. Это прежде всего – Российский комитет рабочих.

Поступь истории неостановима.

СССР был самой грамотной, самой культурной страной в мире и при всем разрушении и разорении Россия таковой остается. Исторический долг российских интеллигентов состоит в том, чтобы вместе с рабочими и крестьянами повторить и подвиг создания Советов, а затем утверждения и развития Советской власти. Без этого России не выжить.

Надежда, которая была у многих на то, что Россия будет допущена в клуб развитых буржуазных государств, безжалостно разбита. Сильная независимая Россия никому, кроме трудящихся, не нужна. Как капиталистическая Россия она нормально жить не может, ей этого не дадут крупные и сплоченные империалистические хищники.

Выжить Россия может только как Советская Россия, и другого пути у народов России нет. Пойдут ли они по этому пути сознательно и быстро или только под давлением чрезвычайных обстоятельств – это во многом будет зависеть от образованных людей, интеллигентов. Подлецы из интеллигентов уже показали и разоблачили себя, а масса порядочных и действительно знающих людей свои силы и энергию на общее дело спасения России еще не

направила. Скоординировать свои усилия можно не только идя в партию, но и в рамках Фонда Рабочей Академии, ставящего своей уставной целью содействие обучению рабочих в самом широком смысле.

Ситуация в России не такова, что народ боролся и потерпел поражение. Наш народ в постперестроечный период по-настоящему еще не боролся. Он находится в шоке, и из этого состояния надо помочь ему выйти. Но уж если русский народ начнет по настоящему бороться и развернет свои силы, не найдется такого препятствия, которое он не сможет преодолеть, не найдется такой силы, которую он не сможет сломить.

Разбитые армии, как известно, хорошо учатся. Если есть польза в поражениях, то она как раз в том, чтобы извлечь уроки из этих поражений и подготовиться к новой, более успешной борьбе. И такая подготовка в России идет и в умах, и в сердцах миллионов, и в их общественно-политической практике.

Преодолено запугивание коммунизмом, сталинизмом, репрессиями.

Преодолеваются надежды на личное обогащение и спасение в одиночку. Идет на практике обучение коллективной забастовочной борьбе. Выходят рабочие газеты, имеются органы, координирующие рабочее движение.

Создаются новые рабочие профсоюзы и революционируются старые профсоюзные организации. Имеющие в своем распоряжении помещения, средства связи и другие материальные средства, охватывающие трудящихся почти поголовно, профессиональные союзы призваны не только защищать, но и организовывать трудящихся на осуществление ими своей, Советской власти, прежде всего через создание и налаживание работы советов трудовых коллективов.

Осваивается и внедряется исторический опыт создания Советов.

Медленно, но идет процесс складывания партии рабочего класса.

Таким образом, постепенно создаются все необходимые предпосылки и условия возрождения Советской власти. А старик Гегель говорил, что когда для какой-либо сути дела созданы все условия, она вступает в существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К главе I

1. Глазьев С.Ю. “О стратегии экономического роста на пороге XXI века. Научный доклад. М., 1977. С.8.
2. Ленин В.И. Полн. собр. Соч., Т.38, С.426.

К главе II

3. Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М.,1996. С.176, 177.
4. Черковец В.Н. Реалии современного мира и политическая экономия //Экономическая теория на пороге XXI века. СПб, 1996. С. 138.
5. Еремин А.М. Объективные источники экономического прогресса при социализме// Советский Союз. 1997. № 1. С. 37.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 93.
7. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967. С.369.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 214.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 87.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 186.
11. Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ.// Австрийская школа в политической экономии: К.Менгер, Бем-Баверк, Ф.Визер. М.,1992. С. 327.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 363.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 251.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 389
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 91.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч. 1. С. 117.

17. Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. С. 269
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 457
19. Барулин В.С., Социальная философия. Ч. II. М., 1993. С.99.
20. Барулин В.С., Социальная философия. Ч. II. М., 1993. С.94.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46., ч.1. с.507.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.507.
23. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46., ч.1. с.117.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 460, 461.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 89.
26. Там же. Т. 19. С. 18.
27. Там же. Т. 20. С. 323
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 293.
29. Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 46.
30. Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 43, 44.
31. На пути к экономической демократии.
Международный опыт. Кн.1. Экономическая демократия. М., 1994. С. 96-108.

К главе III:

32. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т.23, с.104 (примеч).
33. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т.20, с.294.
34. Ленинский сборник. Т.40, с.417.
35. Ленин В.И., Полн. Собр. Соч., т.43, с.276.
36. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т.20, с.320-321.
37. Ленин В.И., Полн. Собр. Соч., т.38, с.426.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. СУРОВЫЕ УРОКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО.

1. *Экономические уроки*
2. *Политические уроки.*
3. *Теоретические уроки*

Глава II. ЗА СОЦИАЛИЗМ НА ЕГО

СОБСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. *Трудовая теория потребительной стоимости научная основа создания экономики социализма .*
2. *К собственности всех и каждого*
3. *Распределение на основе потребительной стоимости*

Глава III. К НАРОДНОЙ ВЛАСТИ НА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

1. *Непосредственное общественное производство – экономическая основа Советской власти.*
2. *Трудовые коллективы – основные ячейки народной власт.*
3. *Путь возрождения народной власти.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ